

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

ВОЛЕЮ БОГОВ

Всемирная история в романах

Дмитрий Иванов

Волею богов

«ВЕЧЕ»

2019

Иванов Д. В.

Волею богов / Д. В. Иванов — «ВЕЧЕ», 2019 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-7973-1

Это было время легендарных ацтеков, когда почти не ощущалась грань между сном и явью, фантазией и реальностью. Боги жили рядом с людьми и говорили с ними, а потеря связи с божествами считалась проклятием. Увы, это и случилось с царевичем Уэмаком, посмеявшимся устроить заговор против своего старшего брата-правителя. Верховный жрец лишил заговорщиков способности общаться с богами, а без богов люди беспомощны. Уэмак и его сторонники со своими семьями, слугами, вассалами и рабами вынуждены бежать из столицы в затопленный лес и искать счастья на ничейной земле. И всё же беглецам повезло – им удаётся найти себе нового бога, такого же отверженного, как они сами. Тот в обмен на жертвы и поклонение обещает защиту и покровительство, так что теперь царевич Уэмак сможет основать новое государство и не особенно беспокоиться о том, что бог, который ему покровительствует, тёмный. В романе автор детально отразил мифологию и обряды народов доколумбовой Мексики, а также лично побывал в регионе, где разворачиваются события этой книги.

ISBN 978-5-4484-7973-1

© Иванов Д. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Предисловие	6
История сотворения мира	8
Часть I. Сделка	9
Глава 1. Цена краденной короны	9
Глава 2. Роковое решение	18
Глава 3. Обмен подарками	22
Глава 4. Взгляд с высоты	26
Глава 5. Путь чаяний и безнадёжности	29
Глава 6. Врата бездны	33
Глава 7. Встреча непрошенных гостей	34
Глава 8. Обитатели леса	37
Глава 9. Те, кто живут кровью	40
Глава 10. Незнакомец внутри	47
Глава 11. Голос бога	51
Глава 12. Господин ужаса	55
Глава 13. Пребывающий во мраке	58
Глава 14. Клятва крови	64
Глава 15. Новый дом	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Дмитрий Викторович Иванов

Волею богов

© Иванов Д. В., 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Дмитрий Иванов

Предисловие

Мексика до испанского завоевания представляла собой удивительный мир, настолько самобытный, что даже сейчас ученым до конца не удается понять мировоззрение индейцев того периода. Более десятка тысяч лет коренные американцы не контактировали с жителями Европы и Азии. За столь долгое время на изолированном континенте сформировалась даже не другая цивилизация, а иная цивилизационная модель. Всё здесь было не таким, как в Старом Свете: сущность божественного начала, понимание течения времени, законы войны, организация управления государствами, система ценностей. Этот список можно продолжать до бесконечности. Многие у нас вызывает удивление и неприятие. Однако, изучая историю народов доколумбовой Мексики, стоит представить себе, как эти люди определяли себя и своё место в мире. И тогда становится понятно, почему они не использовали колесный транспорт – просто у них не было животных, которых можно запрягать в повозки, и почему они не развили металлургию – в горах имелся источник обсидиановых лезвий, которые гораздо острее любого клинка, и получить их было довольно легко. Эти два аргумента приводят те, кто пытается обвинить цивилизации коренных американцев в примитивизме. К слову, до прихода европейцев индейцы знали колесо и умели выплавлять бронзу.

В своей книге я рассказываю о жизненном укладе, мировоззрении и религии племен науа. Самыми известными из них являются легендарные ацтеки. Этот народ создал высоко развитую цивилизацию в Центральной Мексике и подчинил себе земли от северных пустынь до сельвы Гватемалы. Ацтеки жили в городах, окружённых деревьями. Сельская местность являлась источником продуктов земледелия и животноводства. Большинство мелких поселений принадлежали или знати, правителю, или храмам. Крестьяне платили подати в пользу господина, определённое число дней в году обрабатывали его угодья, занимались работами во дворце аристократа или в святилище. Города обычно являлись столицами государств. Их окружало кольцо каменных стен и башен. Внутри поселение было чётко спланировано и разделено на кварталы. В каждом имелись молельня, школа и торжище. Городской район возглавлял чиновник, который занимался сбором налогов, организацией общественных работ и мелкими тяжбами. В некоторых государствах практиковалась типовая застройка жилых кварталов одинаковыми домами. Посреди города находилось священное пространство с пирамидами, самая большая из которых посвящалась племенному богу. Неподалёку располагалась библиотека, площадка для священной игры в мяч, арсенал и школа жрецов. По сторонам от сакрального центра высились дворцы знати и правителей. Резиденция владыки представляла собой целый комплекс построек с жилыми покоями, святилищами, залами совета, помещениями для суда, тюрьмой, складами в окружении садов с бассейнами и зверинцем. В городе также имелся рынок. Режим торговли, пошлины и цены регулировались государственными чиновниками. Вода в поселение доставлялась с гор по акведуку.

Индейцы считали, что именно правитель осуществляет взаимодействие с богами-покровителями народа. От его имени приносились все жертвы, моления и строились храмы. При падении династии эта связь утрачивалась. Часть своих полномочий владыка передавал многочисленным жрецам, которые устраивали празднества и жертвоприношения. Кроме того, духовные лица наблюдали за небесными телами, организовывали календарные церемонии, занимались преподаванием. Наиболее важным священнодействием было поднесение богам крови. Чаще всего люди, особенно священники, пускали себе кровь, пронзая мочки уха или другие части тела. По большим торжествам приносили в жертву пленников или рабов, иногда – животных. Это делалось в благодарность богам за сотворение Солнца. Земля также считалась ненасытным чудовищем, поглощавшим трупы умерших. Вот почему индейцы украшали образы богов вырванными сердцами и отрубленными руками, а изотрогов небожителей высовывались

языки в виде жертвенных ножей. Ацтеки верили, что для поддержания сил и здоровья богов требуется подносить им как можно больше крови. В противном случае Солнце может погаснуть.

Поэтому смыслом жизни индейцев Мексики была война. Именно в ходе боёв захватывались пленники для жертвоприношений. А завоевание одного государства другим расценивалось как свидетельство превосходства бога победителей над покровителем побеждённых. Чаще всего проигравший правитель или представители его династии сохраняли власть, но становились обязаны выплачивать дань. Однако подчинённые государства включались в торговые и иные связи империи, перенимали культуру ацтеков и получали доступ к высокостатусным предметам из метрополии. А это давало мощный толчок к развитию захваченных земель.

Торговля процветала. Богатые купцы отправляли караваны носильщиков в жаркие страны за экзотическими товарами – драгоценными перьями, диковинными птицами и зверями, шкурами ягуаров, морскими раковинами. Вдоль побережья грузы перемещали на плотах. Ценности были совершенно другими. Хоть золото и стоило дорого, главным сокровищем были изделия из жадеита и перья птицы кецаль. Именно они шли на изготовление головных уборов правителей и высшей аристократии.

Одежда индейцев строго регламентировалась правилами. Например, узоры на плащах не выбирались, исходя из предпочтений заказчика, а являлись показателем социального положения человека. Право надевать тот или иной наряд определялось военными заслугами и должностью. Даже если человек был в состоянии купить украшение из драгоценных перьев, он не мог его носить, если не имел на то права.

В обществе ацтеков образование было обязательным. Имелись обычные школы для простолюдинов и особые – для жрецов и чиновников. Были среди индейцев свои поэты и философы. Система письма ацтеков позволяла изготавливать книги и карты. Календарь хоть и не превосходил современный по точности, как порой считают, но был гораздо сложнее. Каждому временному периоду покровительствовало несколько божеств и других сверхъестественных существ. Дни имели свою судьбу, цвет и направление.

Вот такой была Мексика до прихода европейцев. Сейчас не составляет труда найти издание с описанием цивилизации ацтеков. Однако художественные произведения на эту тему остаются крайне редкими. За последние годы в России вышла всего одна книга подобного рода – работа американского писателя Генри Дженнингса «Ацтек», написанная в 1980 г. Однако она основывалась на данных, которые в XXI веке уже частично устарели, а переводчик, явно не знакомый с культурой науа, допустил ряд недочётов. Кроме того, данный роман показывает ацтеков с точки зрения испанских завоевателей. Я же в своём произведении старался изобразить индейцев такими, какими они предстают в своих кодексах и хрониках. Кроме того, я делаю акцент на верованиях коренных американцев и их отношениях с богами. В этой связи считаю не лишним добавить в повествование чудес, в которые так верили жители древней Мексики.

Я благодарен за помощь в написании этой книги украинского учёного Виктора Николаевича Талаха, который первым перевёл на русский язык фундаментальный труд «История Народа чичимеков», кодексы ацтеков и майя, а также помогал разобраться в вопросах календаря и верований народов науа. Также благодарю историка и писателя Игоря Витальевича Масленкова, который взял на себя труд прочитать все главы романа и дать ценные советы. Хочу выразить признательность независимому исследователю Максиму Стюфляеву, который консультировал меня по вопросам культуры майя, а также Сэму, администратору крупнейшего русскоязычного портала «Мир индейцев», посвященного коренным жителям Америки.

Дмитрий Иванов

История сотворения мира

Когда Солнце не сияло на небе, маис не рос, а сердца не гнали по жилам тёплую кровь, существовал только он один бог – Даритель Жизни, Ипальнемоуани. И всё, на чём зиждется мир, заключалось в нём: мужское и женское начало, день и ночь, жизнь и смерть, созидание и хаос. Владыка всего сущего проявлял себя во множестве образов и обличий. Каждое из них отражало какую-то одну силу или стихию мироздания. Так появились другие боги. Люди назовут их детьми Дарителя Жизни. С самого начала они принялись бороться между собой за первенство во Вселенной.

Тогда, на заре времен в первичном океане плавала богиня в виде жуткого чудовища, похожего на исполинского крокодила. Бог тьмы Тескатлипока и бог ветра Кецалькоатль вознамерились поймать её. Но та опасалась приближаться к ним. Тогда Тескатлипока оторвал свою ступню и с помощью неё приманил ненасытную хищницу. Боги убили ужасную рептилию. Из гребнистой спины чудовища они сотворили горы, из многочисленных пастей – пещеры, а из глаз – колодцы. Так возникла земля, и она пребывала в первозданной тьме.

Первым Солнцем стал Тескатлипока. Но тогда мир был уничтожен, а люди были съедены ягуарами. Вторым Солнцем стал Кецалькоатль, но тогда на землю обрушился невероятной силы ветер, а люди превратились в обезьян. Третьим Солнцем стал бог дождя. Тогда прошёл огненный ливень, а люди стали индюками. Четвёртым Солнцем стала богиня воды, и случилось ужасное наводнение, а жители земли превратились в рыб. После этого боги собрались вместе и разожгли костёр. Солнцем должен был стать тот, кто пожертвует собой и сгорит в нём. Но никто не решался броситься в бушующее пламя. Тогда двое юношей начали поститься, приносить жертвы и курения. Первый был больным и немощным. А второй – красивым и сильным. По истечении четырёх дней обоих поставили перед очагом. Сначала пытался броситься здоровый бог, но убоился. Больной же закрыл глаза и смело кинулся в огонь. Тогда и другой юноша последовал за ним. Оба сгорели. Через четыре дня взошло Солнце, а вместе с ним и Луна – вот кем стали молодые боги. Но светила стояли на месте. И дети Дарителя Жизни начали роптать. Они вопрошали, почему Солнце не движется, и оно ответило, что не начнёт свой ход, пока не получит крови. Тогда рассердился владыка Венеры и пустил в светило дротик, но не попал. Солнце же метнуло копьё и поразило бога Венеры. Тогда оставшиеся великие принесли себя в жертву. Они все погибли ради Солнца.

Конечно, боги потом возродились. Люди же теперь в неоплатном долгу перед детьми Дарителя Жизни. За страдания земли, за самопожертвование бога Солнца и за гибель всех прочих небожителей долг смертных – ежедневно приносить великим свою кровь, драгоценную влагу. В начале времён древние вожди заключили союз, каждый со своим покровителем. Все народы обрели своего племенного бога. Тот, даруя милости и испытания, вёл людей к процветанию. А государь был обязан обеспечить благодетеля одеяниями, пищей, курениями, чертогами, а главное – кровью собственной, своих подданных и пленных врагов. И не было на земле ни одной страны, где бы ни поклонялись кому-то из детей Дарителя Жизни.

Часть I. Сделка

Глава 1. Цена краденой короны

Уэмак шёл по извилистым переходам дворца в Ойаменауаке. Тяжёлые шаги гулким эхом отдавались в длинных коридорах опустевшего здания. Это был молодой воин высокого роста, худощавый и сильный. Внешне он напоминал юного бога Шочипилли¹, прекраснейшего из созданий, каких видел свет. Тем летом ему исполнилось двадцать шесть лет. Чело мужчины украшал венец шиууицолли², сплошь покрытый мозаикой из бирюзы. А позади него во все стороны рассыпались десятки зелёных перьев кецаля³, столь длинных, что они касались стен и потолка, когда обладатель головного убора проходил по узким галереям. Такие короны подбало носить только царям. Но был ли Уэмак правителем? На сей вопрос даже он сам не смог бы дать ответ, положение хозяина роскошной диадемы казалось весьма неоднозначным.

Именно это и стало причиной тревог и горестей одиноко идущего человека. Какие настроения царят в городе? Примут ли его владычество ойабеки? На кого можно опереться, когда сама земля уходит из-под ног? В столице, кажется, все затаились, попрятались по домам и сидят, выжидают. Простые люди не желают вмешиваться в дела знати. Пусть великие сами выясняют отношения, сколько угодно. Вот и дворец опустел. Все боятся, не знают, какому правителю служить. Да и не до них теперь. Меньше всего сейчас хочется видеть вокруг армию толпящихся слуг, певцов, танцоров, музыкантов, сказителей, держателей опахал и прочих бездельников, гордо именующих себя царедворцами.

Золотые колокольчики на ножных браслетах, с которых почти до земли свисали перья кецаля и макао, предательски звенели при каждом шаге. Вот двор воинов. Здесь цари Ойаменауака награждали храбрецов, отличившихся в сражении. Длинная колоннада обрамляла его со всех сторон. В противоположном конце портика высилась статуя умершего тлатоани⁴ Цинпетлаутокацина⁵. Отец. Уэмак подошёл ближе, посмотрел в невозмутимое каменное лицо, устремлённое, казалось, в мир былого и грядущего. Лишённые какого-либо выражения черты, плотно сжатые губы, чуть приподнятый подбородок, взгляд, обращённый вверх. Даже будучи каменным изваянием, он не желал смотреть на сына. В холодных зрачках, инкрустированных обсидиановыми бляшками, отражалось молодое лицо, раскрашенное в виде чёрной полумаски вокруг глаз с белыми кружками по краям. «Никого больше нет, есть только я», – пришло в голову царевичу.

Всё начиналось здесь, в том самом дворце. Из всех законных сыновей покойного Цинпетлаутокацина в живых остались только двое. Старшему Кецалькойотлю предстояло унаследовать престол. Правитель приставил к нему многочисленных учителей и советников из числа видных государственных мужей. Высокородные вельможи не только воспитывали юношу, но и определяли, кто и насколько мог к нему приближаться. Под предлогом охраны драгоценного

¹ Шочипилли (дитя цветов) – божество цветов, искусства, игр, красоты, танцев и песен в мифологии индейцев науа. Обычно изображался как молодой красивый мужчина.

² Шиууицолли – диадема правителей науа, украшенная мозаикой из бирюзы. Такую носили все тлатоани ацтеков.

³ Кецаль (*Phagomachus vociferus*) – птица семейства трогоновых, отряда трогонообразные. Её зелёные перья ценились индейцами Мезоамерики выше золота. Их имели право носить только правители и знать. Два самых длинных пера из надхвостья самца достигают 90 см в длину, они стоили дороже всего, другие перья ценились меньше.

⁴ Тлатоани (говорящий) – титул правителя у народов науа. Правители должны были владеть красноречием и произносить длинные речи, отличающиеся красотой языка и яркой образностью.

⁵ – цин – уважительное окончание, прибавляемое к именам правителей и аристократов у индейцев науа. Например, Несауалькойотль – Несауалькойоцин, Ицкоатль – Ицкоацин.

наследника сановники окружили его почти непроницаемым щитом, полностью устраняющим любое общение с внешним миром. Что же до самого царевича, то он легко поддавался влиянию данного окружения, признавая чаяния наставников за свои. Младшему же брату Уэмаку отец уготовил другую судьбу. Думая, будто второй сын не нуждается в столь серьёзном контроле, тлатоани позволил ему воспитываться вместе с детьми видных аристократов Ойаменауака. Мальчиков с самых ранних дней готовили в полководцы, поэтому наибольшее внимание уделялось искусству обращения с оружием и премудростям боевой тактики. Такая школа не только позволила Уэмаку овладеть воинскими навыками, но и дала возможность завести множество важных друзей и знакомых. Столкновения на границах государства вспыхивали в то время регулярно. Небольшие стычки для захвата пленных, которых затем приносили в жертву ненасытным богам, считались наилучшими уроками для детей знати. Под присмотром бывалых ветеранов, они начинали участвовать в сражениях, едва достигнув совершеннолетия. Что может быть крепче боевой дружбы? Кровь прочно связала Уэмака с товарищами по битвам, постепенно занимавшими значительные должности в армии государства.

Тем с большим негодованием смотрел младший царевич на брата, окружённого дряхлыми стариками в пёстрых плащах и перьях. Кецалькойотль, чьё нечастое присутствие на поле брани всегда оказывалось формальным, выглядел в глазах Уэмака человеком недалёковидным, несамостоятельным и неспособным ничего решать без указки членов совета. Безусловно, такое мнение являлось отчасти справедливым. Наследник действительно не блистал ни умом, ни хваткой, ни прозорливостью. И уж точно безвольный человек не умел разбираться в людях. Видел ли это отец? Возможно, хотя, скорее всего, безграничная любовь застила глаза Цинпетлаутокацину, после ранней смерти первых сыновей тот желал всеми силами сохранить и уберечь долгожданного мальчика. К тому же правитель редко виделся с ним – ограничение проявлений родительских чувств считалось добродетелью в знатных семьях. Ну а придворные вельможи, сами близкие друзья и доверенные люди царя, неустанно докладывали об успехах Кецалькойотля в делах военных и государственных.

В последние годы жизни отец разделил с сыном некоторые полномочия. К тому времени Уэмак уже был достаточно искушён в хитросплетениях дворцовой жизни и понимал причины и следствия происходящего. Вокруг брата сплотилась клика, постепенно прибиравшая к рукам титулы, земли и важные государственные посты. Друзья младшего сына оказались не в лучшем положении. Почести сыпались на них с завидной регулярностью, а вот пути к власти и богатству оказались напрочь перекрыты. Сам же Кецалькойотль становился всё враждебнее по отношению к Уэмаку. Наследник никогда не испытывал к нему тёплых чувств и в детстве, а сейчас, возможно, по наущению наставников, начал открыто проявлять нетерпение и злость. Всегда подозрительный, он, возможно, полагал, будто младший брат желает сам заполучить трон. Противостояние началось. Один за другим товарищи и соратники Уэмака отправлялись на опаснейшие задания. То им не давали достаточного количества воинов, то снабжение велось исключительно плохо. Одних убивали в бою, других за невыполнение приказов лишали титулов и должностей. Однажды сам Косицтекатель, лучший друг и доблестный воин, чудом уцелел в неравном бою, заявил: «Им сказали, где и когда мы будем проходить, враг был предупреждён, догадайся, кто способен на такую подлость. У меня нет никаких сомнений».

Тогда Уэмак понял, настала пора действовать, если он не хочет лишиться всех преданных людей. Однако тут началась настоящая война, не простые бои за пленников – на кону стояла судьба государства. Армия перешла под руководство опытных полководцев, расправы закончились. Но оба царевича знали – вся борьба ещё впереди.

Предаваясь воспоминаниям, Уэмак вошёл во двор заседаний великого совета, также обнесённый портиком. Здесь располагались места высших государственных чиновников и трон правителя. Мог ли он назвать его своим? Имел ли право садиться в резное каменное кресло? Царевич подошёл к престолу и окинул взглядом прекрасные рельефы. Легендарные основа-

тели династии безразлично взирали на него пустыми холодными глазами. Покачивая перьями, обладатель бирюзовой короны задумчиво обошёл вокруг. Он дотронулся до шкуры ягуара, положенной на сиденье для брата. Жёсткий остистый мех заскользил под пальцами. Никогда Уэмак не думал, что обретение престола станет таким: одиночество и полная неопределённость. Победа сродни проигрышу. Со вздохом мужчина сел на трон, чувствуя, как холодный камень буквально отторгает его. Тишина. Теперь даже золотые колокольчики не нарушали гробового молчания дворцовых стен.

Как всё произошло? Только Йоуалли Экатль⁶ знает. Для Уэмака же события одно за другим свершались сами по себе, как если бы он исполнял чью-то волю. Война с Амоштонцинко затягивалась и шла с переменным успехом. Неожиданно Цинпетлаутокацин тяжело заболел. Когда стало понятно, что правителю не суждено выздороветь, пришло время позаботиться и о своём будущем. Доверенные люди доносили, будто Кецалькойотль решил не оставлять в живых никого из тех, кто поддерживает брата. Самого Уэмака тоже ждёт смерть, повод всегда найдётся. Выбор оказался несложный – трон или погибель.

Но советники посчитали неправильным начинать расправу незамедлительно. Всё должно выглядеть естественным и не вызывать подозрений. В последние дни жизни старого царя боевые действия приобрели оборонительный характер, больших военных операций не проводилось, царедворцы и военачальники готовились к смене власти. Наконец-то Цинпетлаутокацин скончался. Перед смертью тлатоани призывал братьев не ссориться и поддерживать друг друга. Чего ни пообещаешь, дабы умирающий со спокойным сердцем отошёл в мир иной?

После пышных похорон тело правителя оставили в гробнице под высокой пирамидой на окраине города, и каждый приступил к претворению своих планов в жизнь. Главным для Кецалькойотля стало теперь наладить дела на фронте. Ни в коем случае нельзя дать амоштонцинкам повод верить, будто молодой царь ослабит хватку, требовалось новое наступление с удвоенной силой. Кроме того, по традиции, первым делом после вступления на престол правитель обычно проводил так называемую инаугурационную войну с целью захватить пленников и накормить их кровью ненасытного Илуикатлетля⁷, племенного бога Ойаменауака. Государь намеривался пересечь границу и ударить по врагу всей армией. Противник, предвидя действия ойамаков, продолжал стягивать силы, сражение обещало быть кровопролитным.

Как только Кецалькойотль отбыл, заговорщики начали действовать. Захватить дворец не составило труда. Все выходы из столицы перекрыли, дабы никто не сообщил правителю о случившемся. Казалось, город легко и бескровно попал под контроль. Членов совета заперли в их же поместьях и не выпускали наружу. По плану Уэмака брат должен узнать о случившемся в Ойаменауаке уже после боя с армией Амоштонцинко. К тому времени его отряды изрядно поредеют. Конечно же, он немедленно бросится назад. И здесь правителя ожидал первый удар со стороны бунтовщиков. Единственным путём, пригодным для передвижения войска, являлся перевал в районе горы Тлациуомитепек. Там стояла неприступная крепость. Оттуда ворота в Ойаменауак хорошо простреливались, а при необходимости не представляло никакого труда устроить вылазку. Командир гарнизона Куаунакоцин также принадлежал к заговорщикам. В его задачу входило любой ценой воспрепятствовать продвижению Кецалькойотля.

Таким был план Уэмака. Поначалу он казался продуманным и легко выполнимым. Но чем дальше, тем яснее становилась наивная самонадеянность задуманного. Слишком много

⁶ Йоуалли Экатль – дифразизм, которой переводится как «ночь и ветер». Смысл выражения – «невидимый, как ночь, и неощущаемый, как ветер». Этот эпитет применялся к богам Тескатлипоке, Кецалькоатлю и Ипальнемоуани, он означал с одной стороны, что бог незримо присутствует везде и всюду, а с другой – указывает на непознаваемость божественной природы.

⁷ Илуикатлетль (небесный огонь) – бог, придуманный для данного романа. Такого бога у науа не было. Орден воинов орлов и ягуаров – один из престижных военных орденов у индейцев науа. Члены ордена выходили на бой в доспехах в виде костюмов орлов и ягуаров. В орден вступали только отличившиеся особой доблестью храбрецы, взявшие в бою пленников для принесения в жертву богам.

допущений положено в его основу. И вот уже первые победы сменились чередой ужасных новостей, каждая из которых, по сути, являлась известием о крахе. Не получилось всё, что только могло не получиться. С самого начала иностранные союзники не спешили поддерживать мятеж. Их войска стояли у границы, очевидно, командиры ждали, на чью сторону склонится чаша весов. Затем пропал Теототецин, верховный жрец солнечного бога Илуикатлетля, опытный чародей и знаток тайных ритуалов, безгранично преданный правящему дому Ойаменауака. Поговаривали, будто он один в бою стоит целого войска. Таким могуществом наделили его боги. Наконец, сегодня, не успели люди Уэмака проникнуть во дворец, гонец принёс из Тлациуомитепека очередное сообщение. Самые худшие опасения подтвердились. Куаунакоцин передавал следующее: Кецалькойотля успели оповестить о восстании до решающей битвы. Он незамедлительно начал мирные переговоры с царём Амоштонцинко Акамилли, обещал тому пойти на уступки. Со дня на день правитель должен выступить обратно в столицу с многочисленным войском. В новых обстоятельствах Куаунакоцин решил не нападать на царя, но счёл нужным предупредить бывшего друга, дабы тот смог покинуть страну и спастись вместе с другими заговорщиками. Но едва младший брат получил ужасную новость, как верный Косицтекатель, глава ордена воинов орлов и ягуаров, вернулся из дворца и вручил Уэмаку бирюзовую диадему, головной убор, наспинную розетку из перьев, браслеты с золотыми колокольчиками и другие символы власти правителя. И вот теперь, облачённый в одеяния тлатоани, самозванец сидел на троне отца, предаваясь мучительным размышлениям о грядущем. Кто он теперь? Сам себе царевич представлялся маленьким мальчиком, который случайно нашёл костюм старшего брата и нарядился в него. Вот-вот придёт хозяин и накажет провинившегося мальчишку. Но незаслуженно надевать венец правителя считалось преступлением. Третий владыка Ойаменауака, не задумываясь, казнил своего сына, когда тот примерил украшения из зелёных перьев. Позорная смерть, муки и унижения ждут не только самого Уэмака, но и всех тех, кто хоть раз за последние дни перекинулся с ним даже одним словом. Наивный Куаунакоцин. Неужели Кецалькойотль о нём не узнает? Конечно же, заслуженная кара найдёт предателя.

Ход горестных раздумий прервал шум шагов. Кто-то быстро шёл по крытой галерее. Мужчина перевёл взгляд на закрытый пёстрой тканью проём. Небрежно откинув её в сторону, во двор заседаний совета вошёл Косицтекатель. Как и Уэмака, природа наделила воина отменным ростом, и внешне они чем-то походили друг на друга. Его поджарую мускулистую фигуру облегал боевой костюм тлауистли⁸, раскрашенный, как шерсть ягуара. Шлем в виде головы хищника с открытой пастью украшал роскошный плюмаж, а на спине трепетали два кецальпамитля⁹ – знамёна из перьев. В руках он держал пёстрый щит и макуауитль¹⁰, деревянное оружие с режущими лезвиями и обсидиана. Самозванец привстал с трона. Косицтекатель был главному заговорщику как брат, с ним можно не разводить церемонии, к тому же Уэмак не знал, следует ли ему вести себя по-царски.

– Ну, как дела в городе? – нетерпеливо спросил сын почившего правителя.

– Всё тихо. Каждая ящерица в своей норе, все ждут. Даже рынок опустел, немногие торговцы осмелились выйти, – ответил воин, не утруждая себя поклоном.

– Что слышно о Теототецине?

⁸ Тлауистли – боевые костюмы воинов Мезоамерики. У индейцев науа их имели право носить только отличившиеся на войне. Тлауистли представлял из себя комбинезон с прорезью и завязками на спине. Обычно такие костюмы раскрашивали в яркие цвета, иногда как перья птиц или шкуры зверей.

⁹ Кецальпамитль – знамя с перьями кецаля, крепящееся на спине к костюму тлауистли, оно являлось знаком отличия наиболее храбрых воинов и военачальников, число укрепленных знамен от одного до трёх. Три знамени носил главнокомандующий.

¹⁰ Макуауитль – плоская деревянная дубина со вставленными по краю лезвиями обсидиана, являлся аналогом меча у народов Мезоамерики.

– Ничего. Его искали везде. Старый койот провалился, как сквозь землю. Наверняка ушёл по какому-нибудь тайному ходу, проделанному для жрецов. Хотя говорят, будто он может летать. Чую, его уже нет в городе.

– Он и сообщил о нас, а мы не смогли перехватить, – с досадой произнёс Уэмак, до боли сжав кулаки, – всё кончено, Косицтекацин. Я втянул вас в это дело и не смог защитить. Я потерял своё сердце. Расплата неминуема.

Командир воинов-ягуаров молчал, не зная, то ли воодушевить друга, то ли согласиться с неумолимой правдой.

– Послушай, Уэмацин, мы ещё сможем защищаться. Наши отряды контролируют город. Заделаем ворота и будем оборонять стены. Они понесут большие потери при осаде. Прорвутся в город – станем защищать дворец, он же построен, как крепость. Многие жрецы за нас. Спроси Истаккальцина, он должен что-нибудь придумать. Боги не оставят нас после стольких сердец, которые мы положили на их алтари. Титлакауан¹¹ знает, кто проводил дни в походах и проливал кровь во имя него, а кто отсиживался во дворце, обмахиваясь веером из перьев. Там, где окрашиваются дротики, там, где окрашиваются щиты, раскрываются цветы Дарителя Жизни, – нараспев произнёс воин-ягуар строки известного стихотворения. – А ещё ты сам знаешь цену обещаниям Акамилли. Сейчас он договаривается о мире с Кецалькойотлем, а завтра не преминёт ударить в спину. У людей из Амоштонцинко нет чести. Посему нам не стоит сдаваться. Никому не ведомы замыслы Дарителя Жизни. Нам следует посмотреть, как всё повернётся, говорить о поражении слишком рано.

– Возможно, ты и прав, Косицтекацин. В любом случае мы не сдадимся. Действительно, сильный Ойаменауак не в интересах Акамилли. Он сам или с помощью союзников сделает всё, лишь бы подогреть смуту и ослабить нашу страну. Что же касается обороны города, то мы-то будем защищаться. Но не случится ли так, что сами жители принесут Кецалькойотлю мою голову? Мы не можем надеяться на их поддержку. Нам следует относиться к каждому, как к врагу. – Уэмак вовсе не воспрянул духом, но в неминуемую гибель никак не хотелось верить. Косицтекатль только тяжело вздохнул в ответ. Он сам испытывал те же чувства и осознавал: никто не в силах предугадать будущее.

– Тогда сделаем так, – продолжил Уэмак. – Созови всех. Сегодня мы проведём наш первый государственный совет здесь, во дворце. Нам нужно вместе решить, как поступить.

– Хорошо. Помни, Уэмак. Даже если они решат сдаться, если захотят купить жизнь и свободу ценой твоей головы, я останусь с тобой и буду драться, пока не упаду мёртвым, пока не захлебнусь в собственной крови. Пусть я умру, но точно отправлю к солнцу столько предателей, сколько смогу, и даже больше. Всё равно нам всем навеки идти в его дом. На земле остается от нас только слово, лишь песня. – Одобрительно кивнув, Косицтекатль удалился, а царевич остался один, прислушиваясь к голосу своего сердца.

Солнце начало опускаться за горные пики – смеркалось в тех краях быстро. Тени от массивных резных колонн становились длиннее. Лёгкий убаюкивающий ветерок трепал длинные тонкие перья на голове Уэмака, полностью погрузившегося в себя в тишине пустого дворца. Внезапно негромкий звук вывел царевича из забытья. Перед ним стоял Истаккальцин, Господин Белого Чертога, верховный жрец Тескатлипоки¹², высокий худощавый мужчина лет двадцати пяти. Всё его тело покрывала чёрная краска, голову украшал плюмаж из перьев цапли и кецаля, на груди висело массивное ожерелье из жадеитовых пластинок, браслеты того же материала украшали лодыжки и запястья. Истаккальцин несмотря на молодой возраст считался могущественным жрецом. Он разговаривал с богами и прослыл искусным чародеем, предска-

¹¹ Титлакауан (Тот, чьи рабы все мы) – второе имя бога Тескатлипоки.

¹² Тескатлипока (дымящееся зеркало) – один из главных боговых индейцев науа, связанный с войной, тьмой и чародейством и царской властью.

зателем, целителем и знатоком ритуалов. Глава культа Тескатлипоки ни в чём не уступал старому Теототецину, служителю солнечного божества. И к заговорщикам возжигатель копала¹³ примкнул не из-за желаний титулов, земель или дворцов. Некогда боги поведали ему, будто Кецалькойотль не является перерождением божественного предка династии Ойаменауака Се Сипактли¹⁴, а именно Уэмак унаследовал дух легендарного правителя древности. Старший из братьев мог и не быть сыном почившего царя Цинпетлаутокаина, на это однажды намекнул жрец, но более ничего так и не сказал.

– Ты ступаешь тихо, словно пума, Истаккальцин, – начал разговор Уэмак.

Жертвователь почтительно поклонился.

– В такие дни вам следовало держать ухо остро, государь. – стараясь говорить как можно мягче, произнёс он.

– Что привело тебя ко мне? – поинтересовался царевич.

– Плохие новости, Уэмацин, очень плохие. Мы лишились поддержки богов, – потупив взор, сказал Истаккальцин.

– Я ничего не понимаю. Как такое могло случиться? Откуда ты об этом узнал? – негодуя спросил Уэмак.

– Сегодня великий Тескатлипока не ответил мне. Я взывал к нему снова и снова, но ответом мне было лишь молчание. Я обратился к предкам – тишина. Никто из богов не желал говорить со мной. Кроме того, меня отрезали от источника силы. Теперь я не могу вызывать видения, творить огонь и холод, предсказывать грядущее, ни один из пернатых змеев¹⁵ не прилетит ко мне больше. Сколько я ни пробовал, не получилось ничего. Другие жрецы, которые стояли со мной на пирамиде, также лишились дара богов. Теперь мы не можем ничего, – горестно ответил Истаккальцин и покачал головой.

– Но почему? Ещё вчера мы воскурили копал и пожертвовали Титлакауану свою кровь. Мы же всё сделали правильно. Как так?

– Мне кажется, это дело рук Теототецина. Он ведь исчез, как только мы объявили город своим. Наверняка ему удалось добраться до одного из удалённых святилищ в горах. Там он провёл обряд отлучения, и великий Илуикатлетль прервал нашу связь с богами. Он – покровитель нашего народа, это в его власти.

– Неужели верховный жрец способен сотворить такое? – воскликнул царевич. В его голосе читалась отчаянная надежда, что всё это ещё может оказаться неправдой.

– Сам Теототецин, конечно, не может. Но в его власти попросить бога отказать в покровительстве врагам. Только сам Илуикатлетль решает, исполнить ли просьбу своего первого слуги или отказать. Отвернувшись от нас, он сделал так, чтобы другие боги не слышали нашего зова. Теперь ни Тескатлипока, ни Кецалькоатль¹⁶, ни сам Ипальнемоуани¹⁷ не ответят нам.

– Я даже не подозревал о таких ритуалах. Неужели они существуют? – признался Уэмак.

– Даже правителям не дозволяется знать о самых сокровенных обрядах. Отношения людей с богами – тайна, доступная лишь посвящённым, – мрачно проговорил Истаккальцин.

¹³ Копал (*науа* – копалли) – твёрдая смола тропических деревьев в семейства бобовых. Копал возжигали во время религиозных церемоний. Индейцы используют его до сих пор.

¹⁴ Се Сипактли – один крокодил. Календарное имя.

¹⁵ Пернатый змей – змей, покрытый перьями кецаля, мифическое животное в мифологии индейцев Мезоамерики, одно из воплощений бога Кецалькоатля.

¹⁶ Кецалькоатль – один из богов в мифологии индейцев Мезоамерики, связанный с ветром и жреческими обрядами.

¹⁷ Ипальнемоуани – верховное божество в мифологии науа, представляющее одновременно и мужское, и женское начало. Бог дуальности, творец всего сущего, по воле которого существует и развивается вселенная. «Даритель Жизни» – эпитет бога Ипальнемоуани. «Тот, кто заставляет вещи светиться» и «та, у которой юбка из звёзд» – другие эпитеты Ипальнемоуани, которые обозначают его светлую и тёмную, мужскую и женскую природу.

– Быть может, мы принесём богам жертвы? Напоим их драгоценной влагой¹⁸, дадим яства, одежды, обрядим статуи в золото, нефрит и перья кецаля? – не желая упускать надежду, противился неизбежному царевич.

– Бесплезно, – оборвал верховный жрец. – Пустой надеждой ты лишь разрушаешь собственное сердце. Великие не услышат нас, не примут наши жертвы. Всё будет напрасно. Мы, как лягушка, прыгнувшая в сосуд, который к тому же заперли крышкой.

– И как нам быть теперь? – подавшись резко вперёд, спросил Уэмак.

– Честно сказать, ещё ни один из отлучённых не восстанавливал связь с богами. По крайней мере, мне о таких случаях не известно. Смиритесь. Все в этой жизни мы получаем лишь на время.

– Как ты вообще можешь такое говорить? Ты потерял всё и теперь рассуждаешь так, будто ничего не случилось или случилось, но с кем-то другим. Как у тебя хватает сил оставаться спокойным? – не сдержался самозванец.

– Вспомните, чему нас учили в кальмекак¹⁹, – стараясь сделать голос как можно более ровным, проговорил возжигатель копала. – Зрелый человек имеет сердце твёрдое, как камень, мудрое лицо. Он хозяин своего лица, у него ловкое и понятливое сердце. Так вот я пытаюсь сохранить самообладание, и ничего более. Уэмацин, простите меня, если я недостаточно почтителен к правителю. Осмелюсь дать вам совет. – Главный жертвователь сделал паузу, пристально посмотрел в глаза друга, не нашёл в них гнева и продолжил: – Станьте вновь хозяином своего лица и сердца. Не дайте обстоятельствам толкнуть вас на необдуманный поступок. Больше размышляйте, меньше выносите суждений, взвешивайте каждое решение. Вам предстоит стать тем, кто ставит зеркало перед другими. Помните и не дайте никому заподозрить хоть малую толику волнения.

– Прости, Истаккальцин, я не должен так себя вести. – Царевич виновато посмотрел вниз и отпрянул назад. Служитель Тескатлипоки всегда представлялся молодому вождю много старше, чем на самом деле, а потому мнение первосвященника мужчина ценил особенно высоко. – Если люди узнают, что мы лишены поддержки великих, они точно не пойдут за нами. Раньше была хоть какая-то надежда, теперь её нет вовсе, – угрюмо произнёс царевич.

– Верно, – ответил жрец, – поэтому нам нужно покинуть город как можно быстрее. Я уверен, слухи уже расползаются. Люди злы. Они запросто могут напасть на нас, если найдётся умелый подстрекатель.

– Но куда идти? Кто захочет принять безбожников, вызвав вдобавок гнев Кецалькойотля?

– Туда, где мы сами сможем найти свой дом, – загадочно взглянув на собеседника, проговорил Истаккальцин.

– О чём это ты? – недоумённо спросил Уэмак, насторожившись.

– По близости осталось только одно место, где нет ни городов, ни государств, – рассудительно произнёс верховный жрец. – Я говорю об Атекуаутлане. Если мы уйдём туда, нас даже не будут преследовать.

– Затоленный лес? – негодуяше воскликнул царевич. – Податься в те края – чистой воды безумие. Мы не найдём там пригодной для жизни земли, к тому же он кишит множеством опасных тварей. Только великий Ипальнемоуани знает, кто встречается в тех тёмных дебрях. Столетиями наш народ опасался ходить в Атекуаутлан. Предки всегда поступали правильно, они не могут ошибаться.

– Предкам не было никакой нужды идти туда. Остаться здесь – вот настоящее безумие! Это же верная смерть. Или вы предпочтёте отсиживаться у соседей, зная, что вас в любой

¹⁸ Драгоценная влага (чальчиуатль) – в языке индейцев науа метафора крови, приносимой в жертву богам.

¹⁹ Кальмекак – школа для обучения жрецов и высших руководителей ацтеков.

момент могут выдать Кецалькойотлю? Вы же знаете, человек в двести раз опаснее и каймана, и кусачей черепахи.

– Но в лесу ведь живут и люди, – заметил Уэмак.

– Тоуэйо²⁰, дикари, – брезгливо бросил верховный жрец, скривив губы. – Трусливы, как лесные кошки. Стоит им только раз отведать нашего оружия, как они тут же скроются в чаще, дрожа от страха.

– Но а где же мы будем жить? Нам придётся оставить здесь всё. В твоём болоте не будет даже крыши над головой, не говоря уже о еде и одежде, – продолжал возмущаться Уэмак.

– Слышал я от людей с востока: в глубине леса находятся острова, и чем дальше, тем больше. Да-да, твёрдая земля, пригодная для обработки. Как вы думаете, где живут тоуэйо? Их деревни как раз-таки располагаются на островах. Мы можем остаться там. Конечно, будет трудно. Но это уж лучше, чем жить в страхе на чужбине.

– И кто же будет нас кормить, обеспечивать одеждой, кто станет строить дома, делать посуду, расчищать землю под поля? Откуда мы возьмём хлопок, обсидиан, бумагу? Я уж не говорю о нефрите и драгоценных перьях, – покачал головой обладатель бирюзового венца.

– Поначалу придётся поручить всю тяжёлую работу нашим слугам, да и самим потрудиться немало. Не забывайте, у нас всё же есть воины. Пусть их недостаточно для боя с Кецалькойотлем, зато они могут заставить покориться деревни тех самых тоуэйо. Мы научим их выращивать кукурузу, бобы и тыквы, строить дома и ткать, обложим посильной данью. Думаю, их вожди вскоре сами встанут на сторону нового порядка, ведь у них будет больше пищи, появится защита и от соседей, и от ненастья. Быть может, кто-то захочет присоединиться добровольно.

– А по-моему, ты просто мечтаешь, Истаккальцин, – перебил жреца Уэмак. – Скажи, когда ты успел придумать всю эту нелепицу?

– Не спешите гневаться, владыка, – с досадой произнёс жрец. – Вчера я в последний раз беседовал с предками. Вот что они сказали: «На стороне тени появился новый дом. Голодный насытится. Немошный поднимется. Отнятое вернётся. Великий народ появится здесь, посреди вод». А ещё они показали мне копьё.

– Отнятое вернётся. Я уже понимаю, про кого это, – с невесёлой усмешкой произнёс царевич. – Что же до остального, предки никогда не говорят прямо. Ты ведь сам не можешь точно сказать, что за новый дом и великий народ. Извини, но я не могу считать твоё предсказание залогом успеха.

– Тогда я не стану вас разубеждать. Даритель Жизни сам распорядится судьбами каждого из нас. Мы все в его руках. Ну а что же вы намерены делать, если не хотите идти в Атекуаутлан?

– Не знаю, Истаккальцин, не знаю, – честно сказал Уэмак, потупив взор. У молодого вождя вдруг появилось нестерпимое желание выговориться. И пускай такое поведение не подобало твёрдому сердцем правителю. Но какой из него сейчас владыка? А царевич верил, Истаккальцин – как раз тот человек, которому можно доверить всё, тяготившее его последние дни.

– Мне тяжело, – произнёс сын правителя, покачал головой и снова опустил глаза. – Я в ответе за то, что происходит. Из-за меня столько людей обречены на смерть или изгнание. Они все жили в собственных домах, имели земли, запасы, прекрасные вещи. Быть может, не все их мечты сбылись, но жили они неплохо. И вот я пообещал им больше, сказал, будто исполню самые дерзкие желания, смогу даровать положение, которое бы они не смогли иметь при Кецалькойотле. И они поверили мне. Но затея обернулась провалом. Теперь мои друзья фактически потеряли всё имущество, им предстоит отказаться от прежней жизни и удалиться в изгнание. Если бы не я, они бы смогли сохранить хотя бы то, что имели. – Уэмак облокотился на трон и упёрся головой в ладонь, драгоценные перья обвисли, словно увядшие цветы.

²⁰ Тоуэйо – таким словом ацтеки обозначали варваров, дикарей, преимущественно у астеков.

А Истаккальцин молчал. Ведь никому, даже верховному жрецу, не престоало говорить правителю слова утешения. Царевич вновь посмотрел на собеседника и добавил:

– С самого начала я принимал все решения. Но я оказался слеп и не заметил очевидных вещей. А никто так и не сказал мне: «Постой, Уэмак, твой путь ведёт к гибели». Нет, ни один не решился. И вот теперь мы на краю пропасти. Сейчас впервые мне хочется последовать чужому мнению. Быть может, сегодняшнее решение окажется правильным только потому, что приму его не я. На закате здесь состоится государственный совет. Первый и единственный раз я буду сидеть на троне правителя, а те, кто помогал мне, – на местах советников, тех самых, которые я им обещал. Но я буду молчать всё время, не скажу ни слова. Пусть они обсуждают, спорят до хрипоты, обвиняют меня во всех несчастьях. Когда же они придут к соглашению, я одобрю его, каким бы оно ни оказалось. Даже если мы в результате погибнем, не я один буду нести ответственность за этот роковой шаг. – Мужчина приподнялся на троне и, плотно сжав губы, наградил жреца тяжёлым леденящим взглядом.

В ответ Истаккальцин понимающе кивнул и негромко сказал:

– Как вам будет угодно, государь.

Уэмаку показалось, что последнее слово жрец произнёс нарочито почтительно. Крылась ли здесь издёвка? Но самозванец не мог требовать отношения к себе как к настоящему владыке и сделал вид, будто не заметил насмешки.

– Иди, Истаккальцин, готовься к совету. Ещё есть время обо всём подумать.

Глава 2. Роковое решение

Стемнело быстро. Вечер стоял тёплый и безветренный. Огонь в жаровнях, которые слуги принесли во двор совета, горел ровно, из-за чего фигуры собравшихся казались красноватыми. И Уэмаку, тревожно взиравшему на них с высоты трона правителя, казалось, будто все они обгарены кровью. Сын почившего правителя к тому времени снял роскошную розетку из перьев кецаля и завернулся в плащ со сложным цветным узором, головной убор он также заменил на более скромный. Такие роскошные вещи подобает носить на празднике, а не сейчас, когда предстоит проститься с обеспеченной, сытой жизнью во дворце и стать изгнанником. Заговорщики занимали места членов совета на террасе. Один лишь Истаккальцин находился здесь законно. Жрец нарядился в костюм бога смерти. На чёрном теле он успел нарисовать белые кости, надел маску в виде черепа с украшениями из бумаги. Место напротив него пусто. Даже самозванец не мог посягнуть на священную должность верховного жреца Солнца.

Пора начинать. Уэмаку предстояло произнести речь, ведь недаром правителей Ойаменауака называли «тлатоани» – говорящий. Молодой вождь поднялся с трона и поприветствовал собравшихся, поблагодарил их за верность и помощь, отметил стойкость и мужество перед лицом неумолимой судьбы. Далее сын почившего владыки честно и открыто обрисовал сложившееся положение и предложил членам совета высказаться насчёт дальнейших действий. Под недовольный ропот и гневные возгласы Уэмак сел, пытаясь сохранить лицо недвижимым.

Говорили много, спорили ещё больше. Пару раз храброму Косицтекатлю приходилось защищать друга от негодующих воинов. Только не по годам мудрый Истаккальцин сохранял самообладание. Он до поры до времени не покидал своего места и делал отстранённый скупающий вид, при этом внимательно ловя каждую фразу. Когда же страсти начали затихать, верховный жрец решил взять слово. Говорил он и о возможном ходе событий, и об опасности довериться кому-то из соседей, и об откровении предков. На каждый выпад со стороны он отвечал сдержанно и резонно, не переходя ни на крик, ни на оскорбления, пока желающих возразить совсем не осталось.

На глазах холодало. Тусклые, безмерно далёкие звёзды исчезли на небосклоне – должно быть, небо заволочло тучами. Царевич на троне кутался в длинный плащ старшего брата. Поначалу он внимательно следил за Истаккальцином, удивляясь, как тот мог одним лишь словом убеждать людей. Ранее он приписывал этот дар силе богов. Но сейчас, когда великие оставили жреца, ему приходилось рассчитывать исключительно на собственные силы. Постепенно Уэмак стал терять нить беседы, он не спал уже несколько ночей подряд. В самом начале уверенность в победе подбадривала самозванца. Но сейчас, когда грядущее поражение нарисовалось более чем ясно, усталость, накопленная за несколько дней, дала о себе знать. Слабость, не сдерживаемая более деятельным порывом, сковала члены и затуманила мысли. Поражённый осознанием предстоящего краха разум отказывался работать. И теперь сын почившего правителя сидел не шевелясь и прислушивался к ударам собственного сердца.

Как всё случилось, он так и не узнал. Помнил только, что после долгих споров и пререканий большинство заговорщиков согласилось следовать плану Истаккальцина идти в Атекуаутлан и искать там новые земли. Не все одобряли такое решение. Кое-кто присоединился вынужденно, понимая, что в одиночку выжить будет гораздо труднее. Некоторые, имевшие родственников в соседних государствах, сочли нужным положиться на их опеку. Многие продолжали негодуяще роптать, но вскоре после полуночи все разошлись.

На террасе остались трое: Уэмак, Косицтекатль и Истаккальцин. Сын почившего тлатоани не вставал с трона, а продолжал сидеть недвижимо, словно кукла из амарантового теста²¹.

²¹ Кукла из амарантового теста. Амарант – растение семейства амарантовых, из которого индейцы Мезоамерики делали

Поначалу никто не осмеливался поинтересоваться, всё ли в порядке, ведь нельзя же правителю напоминать о его немощи. Нет, не потому, что действительно считали младшего царевича владыкой, просто друзья не хотели ещё больше ранить и без того страдающего человека. Ведь они понимали, как изменился мужчина за последние полдня. Но какая буря разыгралась в душе самозванца, знал только Йоуалли Ээкатль. Наконец, не выдержав затянувшегося молчания, Косицтекатель негромко произнёс: «Всё кончилось, Уэмак, пойдём». Тот неестественно повернул голову на звук и окинул жреца с воином пустым взглядом. Тяжело, будто дряхлый старик, он поднялся, не поправив съехавшую на край шкуру ягуара. Медленно переставляя ноги, бывший проворный игрок в мяч²² пошёл в спальню своего брата. Каждый шаг давался с большим трудом. Не говоря друг другу ни слова, Косицтекатель и Истаккальцин последовали за ним. Опасности стоило ожидать отовсюду. Ночь предстояла тревожная, а день и вовсе тяжёлый.

Наутро Уэмак почувствовал себя лучше, хотя происходящее всё равно тяготило его. Вчера мужчина на удивление быстро провалился в сон и проспал до рассвета. Косицтекатель и Истаккальцин провели ночь возле царских покоев, охраняя его. Голова самозванца стояла, безусловно, дорого, хотя могла и не обозначать помилования для участников заговора. Не успел сын почившего правителя встать, как пёстрая занавеска, закрывающая дверной проём, откинулась, и в комнату вошёл верховный жрец. В руках он держал яркий расписной сосуд.

– Доброе утро, – сказал жертвователю, – вот, выпейте, бодрящий напиток придаст сил.

Уэмак взял чашу в руки. Какао. «Отравлено или нет?» – подумал он, сел на скамейку у стены и начал пить мелкими глоточками.

– Что творится в городе? – спросил вождь Истаккальцина.

– Все начали собираться, – сказал служитель культа, – Отослали слуг в загородные поместья с указаниями. Никаких особых происшествий. Везде порядок.

– Приходили ли гонцы с запада?

– Пока нет, – ответил жрец.

День прошёл в сборах. Основная задача – позаботиться и о людях, и о продовольствии, а также решить, какие вещи взять с собой, а какие придётся оставить. Кроме того, Уэмак отправил посыльных своим людям за пределами столицы. Им также предстояло покинуть родину, дабы избежать гнева Кецалькойотля. История Ойаменауака знала расправы над сотнями чело­век – слугами, рабами, друзьями и членами семей преступников, особенно, когда дело касалось государственной измены. Долгожданные послы явились только к полудню. Новости оказались неутешительными. Старший брат сумел договориться с Акамилли, царём Амоштонцинко, и начал готовиться к отбытию. Наверняка сейчас воины законного государя уже маршируют на столицу. Добраться они должны примерно за двое суток. Времени совсем не осталось.

Только во второй половине дня, отдав все необходимые распоряжения и проследив за их выполнением, Уэмак смог освободиться и направился к храму Тескатлипоки обсудить с Истаккальцином предстоящий путь в Атекуаутлан. Его взору предстала широкая площадь, залитая солнцем. Справа и слева на платформах чуть выше человеческого роста располагались длинные узкие здания с портиками. Их плоские крыши украшали изображения стилизованных завитков дыма. Перед ними стояло несколько украшенных замысловатыми рельефами жертвенников и невысоких церемониальных платформ. А впереди возвышалась четырёхступенчатая пирамида. Массивное приземистое здание доминировало над всеми остальными постройками. Широкая лестница с невысокой балюстрадой, заканчивающейся оскаленными мордами ягуаров у основания, вела на большую площадку на вершине. Здесь жрецы устраивали пышные публичные церемонии, давая богам драгоценную влагу. Половину верхнего яруса зани-

крупу. Из амарантового теста они лепили фигуры, используемые в ритуалах.

²² Игрок в мяч. Ритуальная игра в мяч уллмамлистли была популярна у народов Мезоамерики. Точных правил не сохранилось. Правители и знатные люди часто играли в мяч между собой и с командами других государств. Так могли улаживаться споры, выявлялось, на чьей стороне благосклонность богов. Игрок в мяч – эпитет некоторых царей майя.

мало само святилище, прямоугольное здание с высокой скошенной крышей, скаты которой покрывала тяжёлая лепнина. Перед храмом стояли резной жертвенный камень и священный сосуд куаушикалли²³ в виде готового к прыжку хищника, куда жрецы складывали сердца принесённых в жертву людей. Стены всех сооружений на храмовой площади сияли ослепительной белизной. Служители культа постоянно обновляли покрытие из толстого слоя извёстки. То тут, то там пестрели рисунки, выполненные яркими красками по сырой штукатурке. Они изображали богов, сцены из мифов и религиозные церемонии. Всё вокруг буквально сверкало чистотой и свежестью.

Высокую, немного сутулую фигуру Истаккальцина Уэмак заметил сразу же. Верховный жрец стоял у портика на одной из боковых платформ и беседовал с младшими служителями культа. Завидев царевича, они учтиво поклонились и поспешили удалиться. До жертвователя уже дошли вести о продвижении Кецалькойотля. Каким-то необъяснимым образом первосвященник получал важные сведения одним из первых. Вдоль стройного ряда белых колонн мужчины проследовали в библиотеку, где хранились необходимые карты.

Войдя внутрь, они увидели паренька с тяжёлой стопкой кодексов в руках. От неожиданности мальчишка едва не вскрикнул, отшатнулся назад, запнулся о деревянный ящик, стоявший у стены, и чуть не упал. На вид ему было лет пятнадцать-семнадцать. Худенький, можно сказать, даже щупленький с широко распахнутыми удивлёнными глазами, он показался Уэмаку птенцом, наблюдающим за миром из гнезда. Но, несмотря на свой возраст, юноша занимал высокое положение. Голову молодого жертвователя украшала красная повязка с нашитыми на неё белыми морскими раковинами и плюмажем. На плечах закреплены круглые щитки, отороченные чёрными перьями, такие же торчали из ушных вставок и свисали с кожаных ножных браслетов. Придя в себя, он почтительно поклонился.

– Что ты здесь делаешь, Несауальтеколотль? – спросил верховный жрец.

– Я хочу взять с собой несколько кодексов из библиотеки. Ведь о них больше некому позаботиться, – отвечал паренёк.

– Неужели ты собираешься идти с нами? – удивился Истаккальцин.

– Да, я хочу, – твёрдо произнёс мальчик и дерзко взглянул прямо в лицо возжигателя копала, его большие, как у оленя, глаза блеснули.

– Послушай. – Истаккальцин положил руку на плечо юноше, – ведь ты можешь остаться здесь. Ты не участвовал в заговоре, и тебя никто не сможет заподозрить. Оставайся, и когда-нибудь ты станешь верховным жрецом, как я, – продолжал он. Уэмаку показалось, что у обычно невозмутимого главного служителя культа голос дрогнул, хоть тот и пытался скрыть заботу о паренёке.

– Нет, я уже всё решил, – отрезал Несауальтеколотль. – Если не возьмёте меня с собой, уйду сам. Я тоже разговаривал с предками позавчера. Они сказали мне идти. Мне нельзя оставаться здесь, моё будущее там, в затопленном лесу.

Истаккальцин наградил мальчика многозначительным взглядом и понимающе кивнул:

– Если хочешь идти – иди. Ты уже не маленький, ты сам хозяин своему сердцу. А разговоры с предками мы ещё обсудим. Дай посмотреть, что ты решил забрать отсюда.

Несауальтеколотль протянул верховному жрецу стопку кодексов в потемневших от времени деревянных обложках. Тот положил их на громоздкий ящик и стал открывать один за другим. По довольным кивкам стало понятно, жертвователь хорошо знал все собранные книги и одобрял выбор юноши.

– Хорошо, – произнёс служитель, закончив осмотр. – Они, безусловно, пригодятся нам. Но учти, свободных рук у нас нет. Будешь нести их сам вместе с едой, водой и прочими вещами.

²³ Куаушикалли (орлиная тыквенная чаша) – большой сосуд из камня, обычно в виде фигуры животного, куда складывали вырванные из грудной клетки сердца принесённых в жертву людей.

– Понятно, господин, я догадывался. Буду нести сколько смогу.

– Ладно, иди, Несауальтеколотль, нам нужно поговорить, – выдавив из себя ободряющую улыбку, сказал Истаккальцин.

– Кто он такой? – поинтересовался Уэмак, когда мальчишка ушёл.

– А-а-а, – протянул – верховный жрец, – это сын нашего Кинацина, Несауальтеколотль. Кстати, внешность полностью соответствует имени²⁴, заметили? Он недавно закончил кальмекак, стал жрецом. С самого детства боги и предки не оставляют его. В отличие от других, Несауальтеколотль не вызывает видения обрядами, великие сами говорят с ним, когда захотят. А ещё он превосходно истолковывает пророчества, хотя, понятно, не имеет большого опыта. Чутьё. По-другому и не скажешь. А вдобавок пытливый ум. Узнаю себя в нём. Хотя даже мне не доводилось испытать такого. Поразительно, боги сами начинают разговор с мальчиком. Мне будет жаль, если ему предстоит сгинуть в болотах.

– А он тоже утратил связь с великими? – спросил Уэмак.

– Честно сказать, мне и самому интересно. У парнишки есть одна черта – ничего не говорить, покуда не будет знать наверняка. Сегодня утром разговаривал с ним. Последнее видение посетило его позавчера. С того времени Несауальтеколотль перестал ощущать «присутствие великих» – так он говорит. Зато появилось какое-то неясное чувство. Сказал, будто слышит какой-то слабый-слабый голос. Очень редко и буквально считанные мгновения. Разобрать ничего не может, чей он – не знает. Даже не уверен, то ли он принадлежит кому-то из богов, то ли предков. Больше ничего не сказал. Стесняется. Ну, да и я не стал пытаться мальчишку. Пусть лучше сначала разберётся в себе, потом расскажет сам.

Уэмак лишь промолчал в ответ. А Истаккальцин достал из деревянного сундука карту и развернул её на крышке ящика.

²⁴ Внешность полностью соответствует имени – имя Несауальтеколотль переводится как «голодная сова».

Глава 3. Обмен подарками

В тот день Истаккальцин поздно вернулся домой. Дел, конечно, накопилось много, но не все требовали участия такой высокопоставленной персоны, как главный служитель Тескатлипоки. Просто верховный жрец боялся остаться наедине с собой. Подумать только, ещё недавно возжигатель копала призывал Уэмака сохранять самообладание, а теперь сам боится тревожных мыслей. Раньше жертвователю не опасалось говорить со своим сердцем. Но теперь, когда связь с богами оказалась утраченной, в душе возникла пугающая пустота, и стоило только вспомнить о ней, как волна мурашек проходила по спине, и комок подкатывался к горлу. И вот теперь, когда молодой мужчина оказался один в длинной узкой комнате, наконец-то скинул сандалии, снял тяжёлый головной убор и наспинную розетку из перьев, аккуратно сложил в деревянный ящик браслеты и жадеитовое ожерелье, гнетущее ощущение утраты вновь дало о себе знать. Утомлённый дневными заботами Истаккальцин, тяжело опустился на циновку, прислонился к холодной стене, охватил руками колени и погрузился в горестные раздумья. Спать не хотелось. Обычно перед сном он любил листать кодексы. Но сейчас книги в тяжёлых деревянных переплётках с пёстрыми картинками внутри сиротливо лежали в углу. Хозяин не желал притрагиваться к ним. Зачем? Ведь там изложена воля великих, а их голосов не слышно боле.

Как жить без бога? Данный вопрос терзал верховного жреца с того самого момента, как Тескатлипока впервые не ответил ему. Все годы, сколько себя помнил, Истаккальцин посвятил служению высшим силам. Почему-то он знал, что уже с раннего детства мог общаться с предками, хоть и не понимал, кто они и откуда. Не боясь рассказов старших о суровых условиях, в которых содержали учеников религиозной школы кальмекака, будущий жертвователю мечтал оказаться среди тех, кто вступил на нелёгкую дорогу служения. Ему пришлось оставить дом, предпочесть обеспеченной жизни в родовом поместье, аскетичное существование жреца. Зато теперь в руках первосвященника сосредотачивалась вся суть бытия ойамеков – забота о богах и исполнение их воли. Какое другое дело могло быть более важным и нужным? Несмотря на молодость, Истаккальцин снискал безмерное уважение, став непререкаемым авторитетом в духовной жизни народа. Верховным служителям культа дозволялось иметь жену и жить в большой городской усадьбе. Но, не найдя избранницы, он так и не связал себя плащом и юбкой, а обосновался в небольшом, но добротном доме с внутренним двориком недалеко от священного квартала, предпочитая всего одну узкую комнату, так похожую на его бывшую келью в общежитии жрецов. Теперь же молодой мужчина ощущал себя совершенно бесполезным. Да, вчера он выступил на совете, а сегодня весь день провёл в приготовлениях к предстоящему путешествию. Но все эти действия, по сути, являлись следствием пророчества, полученного накануне рокового дня – продолжение той, тогда ещё не разорванной связи с богами. А что станет, когда предсказание предков сбудется? Пустота?

А ещё Истаккальцину не давало покоя чувство, будто он упал с высоты прямо в грязь. Казалось, он лежит в глубокой яме, барахтается в зловонной жиже, а люди стоят, смотрят на него сверху, не скупясь на насмешки и оскорбления. Когда-то его считали великим. Господин Белого Чертога с гордостью и достоинством носил прекрасные изделия из драгоценных перьев, нефрита и золота. И они не были признаком богатства и роскоши, а являлись неотъемлемым атрибутом высокого положения. Когда возжигатель копала восходил на вершину пирамиды, вознося молитвы, толпа вмиг замолкала, а у некоторых перехватывало дыхание. Если верховный жрец шествовал по городу, люди замирали в почтительном поклоне, потупив взгляды. Мало кто осмеливался смотреть в глаза главному служителю культа. А на праздники Истаккальцин наряжался в костюмы богов, изображая их в представлениях, проходивших на площадях и храмовых платформах. Тогда жертвователю ощущал, как великий входит в его тело

и сливается с ним в единое существо. Теперь же верховный жрец мучительно осознавал: чем выше взлетел, тем больше падать. Люди же по своей сути злы и мстительны. Они не способны понять другого, не в состоянии простить чужие ошибки. И сейчас Истаккальцин со страхом ждал неминуемой расплаты. Обычных священников народный гнев затронет, но не так сильно. Все камни полетят в его сторону.

Они будут говорить так: «Ты утверждал, будто ведаешь, желания богов, считал, что исполняешь волю великих. Ты рассказывал нам, как нужно поступить, дабы сердца богов были удовлетворены. Ты полагал, что более всех знаешь, что для них лучше, а что хуже. Ты смел нам давать советы, как умиротворить предков, как снискать их благорасположение. А мы не могли даже усомниться в их истинности. Ты считал себя в праве судить, что есть добро, а что зло, что достойно, а что нет. Ты даже мог распоряжаться человеческой жизнью, решая, кому жить, а кому умереть на жертвенном камне. А вот теперь боги оставили нас. И не потому, что мы неправильно поступали с ними, а потому, что ты, считавший себя выразителем их воли, совершил чудовищный поступок против тех, кого почитал. Чего ты заслуживаешь после этого? Из-за тебя мы, совершенно невинные, лишились покровительства великих. Нам больше некого молить о дожде, об исцелении, о победе, некого просить научить нас и направить наши дела на верный путь. Наши посевы сохнут, наши дети больны, наши животные страдают, наши дела в разладе. Сами мы вынуждены скитаться без надежды на возвращение старых порядков. Кто же ты такой? Ты обманщик и предатель, последний из людей. Чего же ты заслуживаешь, бывший верховный жрец?»

На последних словах сердце мужчины сжалось, он тряхнул головой в надежде сбросить тревожные сомнения – бесполезно. Люди жестоки. Они ценят только результат. Им не важны вложенные усилия. Никто не вспомнит о том, чем Истаккальцин пожертвовал ради высокого служения, как изводил себя постами, ночными бдениями и молитвами, как на долгие дни удалялся в дикую местность, рискуя быть съеденным пумой или укушенным гремучей змеей, как подолгу простаивал в ледяных водах горного источника, как проливал кровь, исколов все уши, руки и бёдра. Одна-единственная ошибка – и всё уничтожено. Стоит только раз оступиться, как заслуги всей жизни мгновенно теряют цену, будто бы их и не было вовсе. Годы беззаветной заботы о богах пропали зря. Ведь когда дела идут хорошо, люди воспринимают спокойствие и процветание, как нечто само собой разумеющееся, и не благодарят. А вот если привычный порядок рухнет, они начинают искать виноватого для безжалостной расправы.

Ход горестных раздумий прервал шум, доносящийся из окна. Истаккальцин прислушался – чьи-то голоса. Мужчина накинул на плечи пёстрый хлопковый плащ, сунул ноги в сандалии и вышел во внутренний дворик. Служанка разговаривала с какой-то женщиной, явно не желая пускать её к хозяину. Служитель культа приглядится и узнал в ночной гостье Чикоме Текпатль²⁵, известную травницу, торгующую редкими растениями, к которой он много раз обращался за тем или иным снадобьем. Та уже сама заметила первосвященника и обратилась к нему:

– Господин, я знаю, вы уходите. Я не могла прийти к вам днём, меня могли заметить. Но мне хочется дать вам на прощание небольшой подарок. Думаю, он пригодится в дороге, ведь наверняка вам придётся лечить и раны, и болотную лихорадку, – сказала она и протянула большой свёрток с чем-то жёстким.

Истаккальцин развернул его и с наслаждением вдохнул пряный землистый аромат целебного корня. Иселеуа – редчайший кустарник. Такой запах нельзя спутать ни с чем. Исключительно дорогой компонент многих снадобий.

– Зачем? Он ведь такой ценный? – недоумённо спросил жрец, не зная стоит ли брать подарок или вежливо отказаться.

²⁵ Чикоме Текпатль – семь кремён, календарное имя.

В тусклом свете стало заметно, как женщина улыбнулась:

– Берите-берите, – сказала она, явно довольная собой. – Я лишь хотела оставить о себе хорошую память. Как-то я нашла за день сразу два таких корня. Один я хорошо продала, а второй – оставила. Мне казалось, он послан богами не спроста, его не стоит продать на рынке, он должен сослужить службу тому, кто в нём нуждается сильнее всего. Вам предстоит большой путь. Не всем суждено перенести его. Болота опасны. Знаете сами.

– Признаюсь, у меня нет такого, и я хотел бы его иметь. Что же до богов, думаю, ты и сама знаешь. – Истаккальцин всячески избегал говорить прямо вслух.

– Не буду спорить, мой господин, – загадочно произнесла травница. – Но я ведь тоже общаюсь с предками, конечно, не так, как вы. Не скажу всего, потому как не уверена полностью. Но у вас может быть всё хорошо. Я видела.

– Подожди, – сказал первосвященник и поспешно удалился в свою комнату. Он взял с домашнего алтаря большую керамическую фигурку Шипе-Тотека²⁶, бога растительности, красивую, ярко раскрашенную статуэтку тонкой работы со вставками обсидиана и перламутра. Наверняка она стояла гораздо больше, чем даже редчайший корень.

– Вот возьми, – сказал он женщине. Я всё равно оставил бы его тут, и кому бы он достался – неизвестно. Тебе же он понадобится, можешь не сомневаться. С его помощью ты найдёшь ещё не один корень иселеуа.

Поблагодарив первосвященника за щедрость, Чикоме Текпатль поспешила раствориться в ночи.

Истаккальцин удалился обратно и лёг на циновку. Пора спать. Завтрашний день обещает быть нелёгким. Но сон всё не шёл и не шёл. Новые раздумья не давали покоя. Могут ли боги врать? Сумасбродная на первый взгляд идея впервые пришла в голову первосвященнику. Никогда ранее мысли не заходили так далеко. Или предки обманули, или он ничего не понимает в происходящем. Безусловно, великие знали и о заговоре, и о бегстве второго верховного жреца Теототецина, и о том, как он отлучит заговорщиков от связи с богами. Чего они хотели тогда, говоря, будто изгнанники обретут новый дом, а справедливость будет восстановлена? Или те, кому открыто былое и грядущее, солгали намеренно, испытывая служителя, проверяя его на предмет чистоты помыслов и действий. Как же всё сложно! Почему смысл большинства пророчеств становятся понятным лишь тогда, когда они сбываются? Не в правилах великих облегчать жизнь смертных. С другой стороны, никто никогда не говорил, что боги могут обманывать. Такому не обучали в школе жрецов, об этом не повествует ни одна книга, подобных событий история ещё не знала. Истаккальцин как главный жертвователь, посвящённый во все аспекты отношений людей с великими, имеющий доступ к тайнам высшего духовенства и философов, должен знать, если такие вещи хотя бы подозревались. Наверное, тут другое. Смертные и даже предки и боги вовлечены в колоссальную игру вселенского масштаба. Ипаль-немоуани, Даритель Жизни, хозяин непосредственной близости, тот, кто заставляет вещи светиться, и одновременно та, у которой юбка из звёзд, – по его замыслу происходит это грандиозное действо. Он, господин и госпожа нашей плоти в одном лице, крутит судьбами людей, словно шариками на ладони. И уж точно мелкой песчинке никак не догадаться о роли, уготованной ей, согласно божественному замыслу.

Однако с чего возжигатель копала взял, будто в послании говорилось о нём и о его народе? Быть может, предки рассказывали о других людях и землях? Тогда почему же великие обратились именно к Истаккальцину? Нет никакого смысла сообщать жрецу о чём-то, что никак не связано с его жизнью. Ведь это совершенно бесполезно. Хотя, если задуматься, при-

²⁶ Шипе-Тотек – бог весны и растительности в мифологии народов Мезоамерики. Его изображали одетым в кожу, содранную с принесённого в жертву человека. Ритуалы сдирания кожи и облачения в неё были неотъемлемыми действиями на празднованиях в честь Шипе-Тотека.

суца ли богам рациональность? Поступают ли они всегда целесообразно или руководствуются каким-то другими мотивами? И опять молодой первосвященник не мог ответить. Мотивы действия высших сил всегда скрывались от него за пеленой тайны. Мужчина даже вознегодовал от прозрения: он столько лет служил великим, так много изучал их дела по священным книгам, общался с ними, прикасался к вещам, наделённым их благодатью, приносил в дар свою кровь и человеческие сердца, а теперь вот не может ответить на такие, казалось бы, простые вопросы. Но всё же жрец ни разу не слышал о пророчествах, которые нельзя было никак применить. Все послания предков и духов оказывались о чём-то важном, относящемся непосредственно к их адресату. Даже если слова детей Дарителя Жизни истолковывались неверно, потом всегда оказывалось, что в них содержалось или предупреждение, или руководство к действию. Однако сейчас Господин Белого Чертога не мог ничего решить. Значит, время ещё не пришло, – заключил жертвователь. Оставалось только одно – ждать.

Огонь в очаге начал гаснуть. Тьма заполнила комнату, скрыв и стопку кодексов в углу и глиняные фигурки предков в нише. Так и не успокоившись, Истаккальцин сбросил одежду и растянулся на жёсткой циновке. В то же мгновение молодой жрец понял, как болят колени и гудят кости, как щиплет усталые глаза и тянет зажатые мышцы спины. Укрывшись сверху пёстрым плащом, он попытался заснуть или хотя бы отдохнуть перед нелёгкой дорогой.

Глава 4. Взгляд с высоты

Новый день. Какой он солнечный и ясный. Чистый, прозрачный, словно горный хрусталь, воздух наполняло пение птиц. Лёгкий ветерок принёс из сада свежий аромат трав, разбуженных капельками росы. Такое утро могло вполне показаться прекрасным, умиротворяющим, исполненным вдохновения и надежд, если бы не роковые события двумя днями ранее. И, несмотря на яркие краски, чудесные звуки и запахи, на сердце у Уэмака лежали грусть и тревога. Всё уже решено. Путь выбран. Вещи погружены. Оставалось только отправиться в дорогу. Молодой мужчина нервно сжимал в руках чашку какауатля²⁷, делая мелкие редкие глотки. Кусок не шёл в горло, но царевич заставлял себя пить, думая, будто бодрящий напиток позволит побороть внутреннюю дрожь.

Решив в последний раз окинуть взглядом родной город, Уэмак поднялся на башню – самую высокую точку дворца, выходящую на большую площадь, где собирались заговорщики, готовые отправиться в путь. Он видел, как прибывают новые и новые люди – члены семей, соратники, слуги и рабы его сторонников. Кое-кого сын почившего правителя знал, других же видел в первый раз. Вот один молодой парень повернулся и пристально посмотрел в его сторону. Злоба? Презрение? Укор во взгляде? – отсюда с высоты невозможно понять. Но царевич предпочёл отвести глаза. Сколько таких тяжёлых молчаливых упрёков ещё предстоит вынести, когда он присоединится к своим людям? Но только не сейчас. Слишком рано. Ещё не пришло время.

Уэмак посмотрел вдаль, на запад. Прямые улицы разделяли ровные ряды усадеб и дворцов знати. Чистые, покрытые толстым слоем извести стены и цветущие деревья касахуатль²⁸ белели на фоне густой зелени садов. Дальше от центра города шли дома простых жителей, покрытые серыми крышами из тростника. А за ними – поля и террасы, засеянные кукурузой, бобами и тыквами. Туда по утоптаным, не знавшим обуви ногами, тропинкам шли крестьяне, неся на плечах большие деревянные заступы. Именно с запада должен прибыть с войском Кецалькойотль. Наверняка они уже на полпути спешат попасть в столицу как можно раньше. Горизонт заслоняли тёмные силуэты гор, отделявших Ойаменауак от Амаштонцинко. А за ними далеко-далеко, должно быть, стояло вечно цветущее маисовое дерево запада, а на его вершине сидела огромная синяя птица с хищным клювом и острыми, как у ягуара, когтями.

Царевич перевёл взгляд на юг. Здесь, поодаль от дворца правителя, находился рынок. Каждый день сюда спешили сотни торговцев со своими товарами. Большинство тащило тяжёлые корзины и ящики сами, те же, что побогаче, возглавляли длинную вереницу носильщиков. Они шли с грузами в огромных плетёных коробах на специальных рамах, к которым привязывались концы налобной повязки. Чего только ни продавали на южной площади: кукурузу, тыквы, мешки фасоли и перца, бобы какао, томаты, ваниль, плоды кактуса нопалли²⁹, соль, кувшины хмельного напитка октли³⁰, собак разных пород, индеек, кроликов, рыбу, перепелов, сушёных кузнечиков, посуду из глины и дерева, благовония, статуэтки, обереги, одежду и ткани, драгоценные перья и живых диковинных птиц, краски, лекарства, изделия из нефрита

²⁷ Какауатль – напиток ацтеков из какао, перца и специй, считался очень дорогим, позволить себе пить его могли только представители элиты. От него пошло наше слово «шоколад».

²⁸ Касахуатль (*мекс.* «Касагуатес») – *Ipomoea arborescens*. Дерево семейства вьюнковые, цветущее белыми цветами, воспетое в мексиканской поэзии и фольклоре.

²⁹ Нопалли – опунция, растение семейства кактусовые. Кисловатые на вкус сочные плоды опунции съедобны. Их традиционно выращивали индейцы Мезоамерики. Существовало несколько сортов.

³⁰ Октли – слабоалкогольный напиток, получаемый путём сбраживания сока агавы. Ему придавалось сакральное значение. Пульке использовали в ритуалах. Его употребление считалось признаком высокого статуса. Однако появляться в пьяном виде на улице было запрещено.

и других самоцветов, украшения из золота, серебра и бронзы, обсидиановые ножи, оружие, доспехи и щиты, шкуры, обувь, морские раковины, пиритовые зеркала и прочие нужные и бесполезные вещи. Косицтекатель говорил, будто торговля остановилась. Но сегодня она явно оживает – с башни было видно, как люди уже начали занимать лучшие места и раскладывать свои сокровища в надежде привлечь покупателя. Пространство рынка по краям ограничивали величественные здания. Здесь располагались управления, надзиравшие за качеством товаров, ценами и честностью сделок, а также суды и помещения для охраны. Далее к югу начинались ремесленные районы. Испокон веков мастера жили бок о бок, каждая гильдия занимала свой собственный квартал. Здесь трудились и каменотёсы, создававшие статуи богов и правителей для дворцов и храмов, гончары, производившие простые горшки, расписные блюда, изящные треногие сосуды, и тонкой работы курильницы для копала, амантеки³¹, работавшие с перьями, изготавливавшие лёгкие накидки и пышные головные уборы духовенства и знати, ювелиры, занимавшиеся выплавкой металлов и резьбой по нефриту, а также многие другие люди, без которых столица не сияла бы чудесными красками. Дальше за городом шли сосновые леса, редкие на возвышенностях и более густые и тёмные по мере спуска к морю. А где-то там за бирюзовыми волнами стояло колючее красное дерево юга с похожими на маленькие солнца плодами. Вокруг шипастого ствола извивались потоки крови и первородной тьмы, а на вершине сидел красный попугай ара.

Отвернувшись, Уэмак обратил взор к северу. Именно с ним он когда-то связывал несбыточные надежды. Обещанная помощь не пришла. Холодный расчёт перевесил данное слово. В северной части города его предки некогда поместили храмовый комплекс. Говорят, сам божественный основатель династии Се Сипактли размечал места культовых сооружений. И что теперь? Как иностранные союзники, так и великие предали мятежников. Люди и боги, казалось бы, такие разные, поступили одинаково. На подходе к священным кварталам городская магистраль расширялась, переходя в серию площадей, ограниченных небольшими платформами со святилищами на вершинах. Здесь же стояли жертвенники и площадки для поклонения. За ними по правую руку виднелась огромная пирамида, посвящённая богу Илуикатлетлю, с которым ойамеки в глубокой древности связали свою судьбу. Пять больших ступеней вели к верхней площадке, передняя половина которой отводилась для жертвоприношений. Заднюю же занимал Дом Разящих Лучей – обиталище воинственного солнца. За рукотворной горой скрывалось несколько молелен. Позади них находилась площадка для игры в мяч – не только спортивного развлечения, но и важного священного действия, а кроме того, и средства решения дипломатических споров. В самом конце улицы высилась вторая пирамида – храм великого Тескатлипоки, или, как его ещё называли – Титлакауана. Именно здесь трудился мудрый не по годам Истаккальцин. Дом бога скрывал утлые хижины городских окраин, и казалось, будто сразу же за обиталищем Капризного Владыки³² начинаются пологие предгорья, постепенно переходящие в более крутые склоны. По мере подъёма густая чаща преимущественно из дубов, сосен и земляничников уступала растущему на каменистой почве колючему редколесью. Упирающихся кронами в небо великанов сменяли низенькие акации и мескитовые деревья³³ со сладкими стручками, раскидистые агавы, юкки и опунции. На их фоне светло-зелёными столбиками выделялись стройные трубчатые кактусы³⁴. Земли за горами оставались скрыты

³¹ Амантеки – мастера по работе с перьями. Они изготавливали головные уборы, плащи, декоративные ширмы, мозаики из перьев и другие высокостатусные вещи. Сообщество амантеков было относительно закрытым.

³² Капризный Владыка – эпитет Тескатлипоки.

³³ Мескитовое дерево (науа – мискитль) – деревья рода *Prosopis* семейства бобовых. Засухоустойчивы. Их стручки используются в пищу индейцами Мезоамерики.

³⁴ Трубчатый кактус – стеноцерус Турбера (*Stenocereus thurberi*), растение семейства кактусовые. Обычно 15 см в диаметре и до 5 м в высоту, максимальная высота – около 8 м. Такие кактусы придают мексиканским ландшафтам неповторимый вид. Их плоды съедобны.

от наблюдателя, но Уэмак знал: там на краю света стоит шипастое дерево севера, наполовину синее, а наполовину зелёное. Его кора – то ли панцирь черепахи, то ли кожа крокодила. На вершине сидит орёл, каждое перо которого заканчивается острым обсидиановым ножом. А вокруг ствола струятся потоки крови и тьмы.

Наконец, восток. Сын почившего правителя долго не решался взглянуть туда. Ещё бы, ведь именно в ту сторону предстоит идти. Там за городом на орошаемых пойменных землях располагались поля, обрабатываемые жителями окраины. С севера на юг их перерезала сверкающая в утренних лучах солнца полоска реки. На противоположном берегу находилось множество небольших деревень, окружённых обширными угодьями. Здесь плоскогорье, на котором стоял Ойаменауак, понижалось и переходило в болотистые низменности, где и располагался затопленный лес Атекуаутлан. Говорят, на юг он шёл до самого моря, а с северо-востока граничил с землями комильтеков, но даже их купцы всегда обходили гиблые топи. За теми далёкими землями, там, где каждое утро вставало солнце, росло дерево востока, чьи плоды состояли сплошь из драгоценных камней. На его стволе висели щит, дротики, копьеметалка и бумажное знамя, а на вершине сидела прекраснейшая птица кецаль.

Однако пора. Все, кто сегодня покидает столицу, уже собрались внизу. Как бы ни хотел оттянуть неотвратимое Уэмак, задерживаться было нельзя. Мысленно простившись с городом, мужчина спустился с башни и направился туда, где стояли готовые к отбытию люди. Завидев неудавшегося правителя, изгнанники замолкли. Все взгляды обратились на него. И ни в одном из них царевич не нашёл никаких признаков поддержки. Ему полагается произнести речь, сказать о будущем, о новых землях, о больших надеждах. Вот только кто поверит проигравшему самозванцу? Все заготовленные со вечера слова куда-то делись, красивые бессмысленные фразы забылись. Придётся соображать на ходу. Но совершенно точно, Уэмак не признает вины.

Глава 5. Путь чайний и безнадёжности

Истаккальцин шёл с остальными жрецами в хвосте длинной колонны, по улицам Ойаменауака. Огромная масса людей покидает дома, бросая близких, работу, ценности, отказываясь от претворения в жизнь заветных целей. Сколько их? Должно быть, больше тысячи человек. Представители девяти великих семейств оставляют столицу. Если изгнанникам удастся обосноваться на новом месте, они положат начало новым династиям, на которых будет построено молодое государство: роды Уэмака, Косицтекатля, Истаккальцина, Коскацина, Мичинтекутли, Омишомачиотля, Ичкакуайтля, Кокольтекуи, Чикаутлатонака. С ними все представители их кланов – жёны, дети, родственники, друзья, слуги, воины, зависимые крестьяне, рабы, ремесленники. Уэмак приказал, чтобы никто не ехал на носилках, ни титулы, ни родословные во внимание не принимались. Каждому надлежало идти пешком, ведь все руки должны быть заняты поклажей. Исключение делалось лишь для воинов, отправленных в разведку, малолетних детей и дряхлых стариков. И сам Господин Белого Чертога тащит нелёгкий груз, внося вклад в общее дело. Теперь на нём не богатые одеяния, а длинный дорожный плащ, не пышный головной убор из драгоценных перьев, а простая налобная повязка, сандалии не украшены ни золотом, ни перламутром. Но первосвященнику не впервой преодолевать большие расстояния с тяжёлой ношей. Любому молодому жертвователю, воспитывавшемуся в кальмекаке, из какой бы знатной семьи он ни происходил, вменялось в обязанности приносить в храм дрова, хворост, мясистые листья агавы и снопы тростника. А после обучения верховный жрец часто уединялся в удалённых святилищах, доставляя туда новые курильницы и изваяния богов.

Уэмак высылает вперёд разведчиков и следопытов. Что ж, Истаккальцин тоже будет вести разведку, но совсем другого рода. Лишённый связи с великими, бывший первосвященник намеревался собрать сведенья о духах и богах, находящихся в Атекуаутлане, о тех, кого почитают жители затопленных земель. Возможно, изгнанникам удастся присоединиться к какому-либо местному культу и через него вновь обрести связь с высшими силами. К сожалению, жрецу почти ничего не было известно о верованиях и объектах поклонения тех народов, которых ойабеки и их соседи пренебрежительно называли тоуэйю. Обычно сообщалось, будто дикари почитали многочисленных духов природы, которые помогали им выживать в суровых условиях затопленного леса. В то же время комильтеки сообщали об остатках древних сооружений на пути следования караванов, быть может, исчезнувший народ поклонялся неизвестным ныне богам. А кроме того, сама история Атекуаутлана позволяла задуматься об особой связи данного места с великими духами.

Рассказывали, как когда-то давно богиня Тласольтеотль³⁵ прибиралась на Луне. Обнаружив, что она использовала слишком много воды, пожирательница грязи вылила всю её на землю. Там, куда попала лунная влага, и появился Атекуаутлан. Вот откуда в затопленном лесу оказалось так много странных обитателей. Гигантские панцирные щуки³⁶, которых жители близлежащих деревень называли «кецпальмичин», смертельно опасные крокодилы, готовые утащить под воду человека, хищные водные черепахи, способные в мгновение ока откусить палец или даже руку, рыбаодные орлы и совы, а также множество больших и малых водных птиц, жёлтые кувшинки, занимавшие круглыми плавучими листьями открытые участки, длинные лианы, выдерживающие вес взрослого мужчины, и даже растения, питающиеся насекомыми – все эти создания, не встречающиеся на родном плоскогорье, издавна приводили ойабеки

³⁵ Тласольтеотль (богиня грязи) – многоплановое божество народов Мезоамерики. Богиня Луны, запретной любви, грехов и покаяния.

³⁶ Панцирные щуки (*Lepisosteus*) – род рыб семейства панцирниковых инфракласса костные ганоиды. Крупные хищники длиной до 3 м и более. Отличаются длинными челюстями с множеством зубов и прочной чешуёй. Их название на языке науа кецпальмичин переводится как «рыба-ящерица».

ков в благоговейный трепет. Но самое главное – сам лес – многовековые болотные кипарисы³⁷, растущие прямо в озере. Их ветви густо покрыты мхом пачтли³⁸, который свешивается вниз длинными густыми гирляндами из ажурного живого кружева. Истаккальцин видел подобные деревья у реки, протекающей вдоль восточных окраин Ойаменауака. Но они явно уступали в размерах гигантам, о которых рассказывали путешественники, а к тому же здесь их росло всего ничего, так как большая часть пойменных земель использовалась для земледелия.

Но уж если обитатели Атекуаутлана родом с Луны оказались столь впечатляющими созданиями, то, возможно, и существа из мира невидимого здесь не менее удивительны и разнообразны. Бывший первосвященник считал именно так. Последнее время Истаккальцина не отпускало смутное предчувствие какой-то удивительной встречи, которая должна произойти в дебрях затопленного леса. Но вот как начать общение с божествами и духами неизведанной земли, он, увы, не знал. Однако жрец полагал, если они того пожелают, высшие силы сами дадут о себе знать.

Такие раздумья занимали молодого священника на пыльной сельской дороге. Путники давно покинули городскую черту и теперь шли между полей. По сторонам вставали то высокие побеги маиса, то разлапистые розетки агавы, то насаждения тыкв и бобов. Одетые в плащи из грубых волокон босоногие крестьяне, отрывались от работы и молча смотрели на вереницу изгнанников. Они определённо знали или догадывались, кто перед ними. Что думали эти люди? Какие чувства они испытывали к заговорщикам? Господин Белого Чертога всё хотел поймать взгляд хотя бы одного из земледельцев, увидеть их глаза. Но заметив интерес знатного господина, сельские труженики неизменно отворачивались, ведь не престоало простым общинникам пялиться на горделивого аристократа. Хоть те высокородные особы и считались теперь вне закона, всё же по краям колонны шло несколько вооружённых воинов, способных в случае чего одним ударом снести голову не в меру любопытному зеваке.

Несауальтеколотль шагал рядом с Истаккальцином, и бывший первосвященник догадывался почему. За несколько лет служения мальчик так и не нашёл ни друзей, ни приятелей среди жрецов Тескатлипоки. Юноша предпочитал книги человеческому общению и большую часть времени проводил или в молитве и медитации, или за чтением кодексов. Остальные жертвователи чурались странного паренёка и предпочитали давать поручения другим неофитам. С Несауальтеколотлем разговаривал почти исключительно Истаккальцин. Именно он видел незаурядные способности Голодной Совы. Вот отчего, внезапно оказавшись среди такого количества незнакомых людей, мальчик решил идти возле единственного человека, которого хоть как-то знал. «А держится-то молодцом», – не без гордости заметил первосвященник. Худенький паренёк не стонал, не отставал и не останавливался, а шёл наравне со взрослыми мужчинами, неся не только свои вещи, но и бесценные кодексы в тяжёлых деревянных обложках. Господин Белого Чертога хотел как-то подбодрить юношу и не придумал ничего лучше, как потрепать его по голове. Несауальтеколотль резко отшатнулся и взглянул на наставника большими удивлёнными глазами, словно испуганный совёнок. Истаккальцин мягко улыбнулся в ответ. Юный жрец промолчал и продолжил шагать по ровной грунтовой дороге.

Вечером решили заночевать на оставленном под паром поле. Уэмак мог бы остановиться в деревне, но решил не навлекать беду на ни в чём не повинных крестьян. Ведь узнав, что

³⁷ Болотные кипарисы (*Taxodium*) – род деревьев семейства кипарисовые. Предпочитают заболоченные области. До 50 м в высоту. Образуют выросты пневматофоры на корнях высотой 1–2 м. На них часто вырастает испанский мох (*Tillandsia usneoides*, на языке науа пачтли).

³⁸ Пачтли – так на языке индейцев науа называется испанский мох (*Tillandsia usneoides*). Растение семейства бромелиевые. Это не мох, а цветковое растение. Оно обычно густо обвивает своими длинными серо-зелёными прядями стволы и кроны крупных деревьев. Стебли испанского мха тонкие, нитевидные, сильно разветвлённые, с небольшими шиловидными листьями. Вся поверхность растения покрыта мелкими чешуйками, служащими для поглощения осадков, росы и влаги из воздуха. Длина прядей до 3 м.

кто-то принял у себя заговорщиков, Кецалькойотль вполне мог выслать в селение карательный отряд, который бы перебил всех жителей, не щадя ни женщин, ни детей.

Смеркалось быстро. Золотые лучи вечернего солнца сменились сначала багровым закатом, а затем и сгущающимся мраком. Потянуло холодом. Летучие мыши выбрались из ночных убежищ и теперь пронеслись туда-сюда, хлопая перепончатыми крыльями. Путники начали обустройства лагерь, разводили костры и ставят палатки. К концу перехода все очень устали. Носильщики с облегчением стаскивали тяжёлые грузы с натруженных плеч, женщины осматривали стёртые ноги, родители успокаивали плачущих детей. Косицтекатель расставлял караульных. Воины с щитами и копьями собрались вокруг него, выслушивая приказания. Внезапной атаки никто не ожидал. Гораздо важнее сейчас не дать сбежать рабам, которые несли основную часть поклажи.

Подошедший слуга объявил Истаккальцину, что вождь вызывает его в свой шатёр и ему следует отдать место в своей палатке кому-нибудь другому. Недолго думая, бывший первосвященник отправил туда Несауальтеколотля и одного старого жреца, которого особенно утомил дневной переход. Остальным придётся спать под открытым небом, в лучшем случае постелив на землю циновку или завернувшись в плащ. Отдав последние распоряжения, жертвователю отправился к царевичу.

Внутри палатки было тепло, пахло едой, а шум лагеря стал уже не докучал. В центре шатра тускло горела трёхногая керамическая жаровня. На циновках сидели Уэмак и Косицтекатель. Парни сняли плащи, красноватые отблески пламени играли на мускулистых телах. Истаккальцин приветствовал друзей и занял место напротив. Сын почившего правителя протянул ему поднос с завернутым в кукурузные лепёшки мясом индейки, обжаренным с перцем чили и бобами. Мужчины ели, делясь впечатлениями прошедшего дня. В целом всё прошло хорошо, они преодолели столько пути, сколько запланировали и завтра вступят под своды затопленного леса. Вскоре командир воинов-ягуаров ушёл проверить караульных. Бывший самозванец остался наедине с первосвященником. Собираясь с мыслями, он пристально посмотрел на собеседника и заговорил:

– Знаешь, Истаккальцин, я много думал сегодня о своей судьбе. И сколько ни размышляю, не могу найти ответа. Как ты думаешь, кто я?

– Ты наш правитель, – ответил жертвователю, не задумываясь, – ты ведёшь нас туда, где мы обретём новый дом, – добавил жрец для убедительности.

– Нет, – печально вздохнул Уэмак. – Какой я правитель, если боги отвернулись от меня? Тебе ведь известно, в чём состоит природа власти?

Бывший первосвященник кивнул, уже понимая, к чему клонит царевич.

– Власть даётся человеку богами по праву происхождения. Только тот может править людьми, чьи предки непосредственно связаны с великими, и кто может обратиться к ним от имени своего народа. И никто более не имеет права быть царём. Ведь никакие заслуги, ни опыт, ни сила не могут дать главного – связи с божественными предками. Теперь же связь потеряна. Не знаю, придётся ли обрести её снова. По крайней мере, теперь я точно не имею никаких прав называть себя тлатоани и вести людей. А ежели так, то в любой миг они могут ворваться сюда и спросить, почему я занимаю это место, почему я принимаю решения и почему им следует мне подчиняться. И знаешь, Истаккальцин? Я не смогу ничего им сказать.

Закончив, Уэмак снова вопросительно посмотрел на жертвователя, ожидая ответа. Теперь верховный жрец понял, зачем он позвал к себе его и Косицтекателя. Не столько, чтобы составить компанию и разделить ужин с друзьями, а сколько чтобы они смогли защитить царевича в случае нападения.

– Послушай, Уэмацин. Твоё происхождение никто не ставит под сомнение. Как потомок Се Сипактли ты имеешь все права повелевать нами, ибо среди нас не найдётся никого равного тебе.

– Не говори ерунды. Что толку от моего происхождения, когда я не могу обратиться к Се Сипактли с молитвой? Он не услышит меня и не примет моих даров, а значит, я не могу выполнять самую главную задачу правителя. Без неё всё остальное попросту отпадает.

Вот чего Истаккальцин и боялся больше всего. Первосвященник ещё по утренней речи понял, какие чувства переполняют царевича. Теперь главная задача – немедленно погасить в друге любые сомнения в его высокой роли, ведь без предводителя всё предприятие обернётся крахом. Но как убедить Уэмака в обратном, если и сам Господин Белого Чертога осознавал бесспорную правоту собеседника?

– Знаешь ли, – начал он неуверенно, – кроме связи с предками у тебя есть ещё много качеств, которые хоть и не дают права на божественную власть, всё же позволяют стоять во главе нашего отряда. Не забывай, ты воспитывался как сын царя. Несмотря на молодость, у тебя есть как опыт ведения боя, так и навыки управления людьми. Ты располагаешь знаниями, которые иным недоступны, и, в конце концов, несмотря ни на что люди продолжают тебе подчиняться.

– Даже и не знаю, – разочарованно вздохнул Уэмак, – то ли ты специально врёшь мне, то ли ты столь наивен, что сам веришь в эту чушь. Посмотри, сколько тут знатных людей. Все они получили образование, участвовали в сражениях, кое-кто даже старше меня. Не хочешь же ты сказать, будто я превосхожу их всех?

– Нет, конечно, – стиснув зубы, произнёс Истаккальцин, беседа уже порядком надоела ему. – Но я бы взглянул немного по-другому на положение вещей. Видишь ли, все отлично понимают, мы сможем выжить, только держась вместе. Если каждый из тех достойных людей пойдёт своей дорогой, все они проиграют. Ну кто будет считаться с кучкой странников? Даже тоуэйю смогут разбить их поодиночке. А вместе они только из-за тебя. Представь на мгновение, будто тебя не стало. Что тогда будет? Пусть не каждый, но несколько из них точно будут желать занять твоё место. И мне кажется, они не смогут договориться. Даже если и придут к соглашению, всё равно останется внутреннее недовольство, разгорятся жаркие споры, появится недоверие. В таких условиях наш непрочный союз точно разделится. Ведь они не смогут принести свои амбиции в жертву общим интересам. Но пока ты есть, они будут подчиняться тебе, ведь ты всё же в силу происхождения стоишь выше них. Более того, они сами знают, сейчас выступить против тебя губительно, ведь любое волнение поведёт к всеобщему краху по той простой причине, что, сокрушив тебя, они не смогут подчинить остальных. Сейчас не лучшее время для удара. Крепись, друг. Если сердце не даёт ответов, прими хотя бы доводы разума.

– Рассуждения твои понятны, – вздохнул молодой вождь. – Но всё равно на душе неспокойно, тревожно. Так хочется обезопасить себя, оградить, но как?

– Кстати, что думает Косицтекацин? – нашёлся возжигатель копала.

– Сокрушит любого, кто станет у меня на пути. Так и сказал.

– Вот видишь. У тебя есть опора, Уэмак, – самый яростный воин и отважный командир, могучий, как ягуар, расчётливый, как кайман, и осторожный, словно пума. Заметь, его отряд наиболее крупный и лучше всего вооружён, а сам он предан тебе, как никто другой. Кроме того, у него в подчинении сейчас и войска других кланов, а он имеет авторитет среди воинов. И мы-то помним, он скор на расправу. Да и остальные знают и боятся. А ещё, может, не так уж и важно, но жрецы тоже на твоей стороне. Нас немного, но мы не поддержим никого, кроме тебя.

Тут в палатку вернулся Косицтекатль, и разговор прервался. Истаккальцин понимал, Уэмак всё ещё сомневается. Однако, возможно, жрецу удалось вселить хотя бы немного уверенности в сердце предводителя изгнанников. Жертвователю сознавал: сейчас, подставив плечо другу, он ни в коем случае не должен показывать собственные сомнения и тревоги, нельзя давать слабину. Предстояло держаться за двоих.

Глава 6. Врата бездны

Новый день встретил изгнанников туманом, сыростью и прохладой. Однако ветер начал разгонять облака, а потому надежда на хорошую погоду сохранялась. Рано утром путники собрали скромные пожитки и тронулись в путь. Дорога спускалась вниз с плоскогорья. Идиллические сельские пейзажи радовали глаз. То тут, то там на холмах виднелись деревеньки из нескольких хорошо выбеленных домиков с тростниковыми крышами. В целом же по мере удаления от города местность становилась всё более безлюдной и дикой. Причудливых форм кактусы, невысокие бобовые кустарники да раскидистые сосны росли на необрабатываемых землях между полей.

Уэмак шагал в окружении воинов. Ночь прошла спокойно, без происшествий – уже хорошо. Косицтекатель обещал большую часть вооружённой охраны набирать из самых преданных воинов, дабы в случае чего сразу же пресечь любое нападение как извне, так и изнутри. Командир и так понимал, какую надежду возлагает на него предводитель изгнанников, и даже гордился своей теперешней ролью. Сегодня он надел костюм ягуара – устрашающие боевые доспехи с плюмажем из перьев, демонстрируя готовность немедленно вступить в сражение при необходимости. Порой царевичу казалось, будто друг просто сгорает от нетерпения пролить чью-либо кровь.

Около полудня сделали короткий привал на выжженном пустыре, а затем продолжили путешествие. Беспокойство отступило, хотя, по расчётам Уэмака, прошли они меньше, чем за то же время днём ранее. Но беспокоиться не стоило. Всё же Кецалькойотль, скорее всего, ещё не вернулся в столицу, а войдя в город, наверняка задержится там, прежде чем отправиться в погоню. Войску, проделавшему такой быстрый изматывающий марш, наверняка потребуется заслуженный отдых.

Солнце уже начало светить в спину, когда путники спустились с плоскогорья и достигли пределов таинственного Атекуаутлана. Здесь решили ещё раз передохнуть, дабы набраться сил и попрощаться с покинутым родным краем. Сердце Уэмака учащённо забилося. Мужчина никогда не бывал здесь ранее, и открывшаяся картина произвела на царевича сильное впечатление. Огромные деревья достигали высоты пирамид Ойаменауака. Их ветви отходили далеко от стволов, пересекаясь друг с другом. Казалось, будто многовековые гиганты обменивались рукопожатиями или стремились обняться. Оттуда вниз, словно бороды, спускались серебристо-серые гроздья растения пачтли, похожего на густой мох или лишайник. Они отбрасывали длинные узкие тени, создавая удивительную игру света под раскидистыми кронами. И оттого лес представлялся таинственным и даже зловещим. Болотные кипарисы стояли в воде, между ними вздымались странные конусообразные образования, вырастающие от корней, словно сама земля разверзла здесь свою пасть и обнажила острые зубы. А ещё они походили на сталагмиты, в то время как висящие стебли пачтли напоминали сталактиты, так что Атекуаутлан выглядел, как гигантское пещерное озеро. «Будто уходим под землю, – подумал Уэмак, глядя на величественное творение природы, – воистину, здесь начинается другой мир». И снова тревога завладела сердцем молодого вождя. На сей раз она исходила откуда-то изнутри, от страха перед неизвестностью. И хотя в безмолвной картине затопленного леса не было ничего опасного, сама атмосфера места казалась угрожающей, порождая туманные предчувствия скорой беды. Пронзительный скребущий крик цапли заставил царевича вздрогнуть. Чем дольше стоять, тем хуже. Нужно идти, возможно, там под сводом бородастых ветвей опасения пройдут. Скорее бы.

Глава 7. Встреча непрошенных гостей

Истаккальцин шёл вслед за Уэмаком и его охраной. Вода оказалась тёплой, а глубина редко где была более чем по колено. Жрец подогнул плащ, пытаясь защитить ткань от намокания, а вот сандалии, скорее всего, очень скоро придут в негодность. Судя по карте, впереди должен вот-вот появиться большой участок суши, идти по которому быстрее и удобнее. А ведь кое-кто уже успел упасть, поскользнувшись или запнувшись о невидимую под слоем ила корягу. Полностью доверять плану местности, конечно, нельзя. Именно об этом священник не преминул напомнить царевичу. Ландшафт здесь менялся очень быстро: то берега размывало во время паводков, то наносы формировали новые островки, то речки и ручьи изменяли свои русла. Но следовать карте уж лучше, чем шагать наобум, по крайней мере создавалась иллюзия целенаправленного движения. Старший жертвователю понимал, главное на сегодняшний день – как можно сильнее удалиться от родного Ойаменауака. Перед отбытием он совершил церемонию возлияния духам Атекуаутлана. Пусть они не отвечают странникам, зато уж точно следят за ними, и войти на их территорию, не оказав должного почтения, означало бы верх непочтительности и даже вызов. «Пусть не помогают, но хоть не вредили бы», – рассуждал Истаккальцин. На виду у всех он взял ритуальные сосуды из мешка и, не приглашая никого, подошёл к краю воды. Если хотят – присоединятся сами. Обернувшись, мужчина увидел лишь Несауальтеколотля, вопросительно глядевшего на наставника. Молча главный служитель протянул мальчику курильницу.

Теперь парнишка шёл рядом. Он говорил мало, а только смотрел по сторонам или думал, глядя под ноги, но Господин Белого Чертога понимал, в последнее время между ними появилась невидимая связь, для которой вовсе не требовалось никакого привычного общения. Верховному жрецу не оставалось ничего другого, кроме как любоваться полными загадочной красоты видами, открывающимися по сторонам. Под пологом леса царил вечный полумрак. Всюду, куда ни брось взгляд, свисали серебристо-зелёные пряди пачтли. Вблизи становилось понятно: это вовсе не мох, как казалось ранее, а растение с длинными нитевидными стеблями, усеянными небольшими узкими заострёнными листьями. Кроме того, в раскидистых кронах виднелись папоротники, орхидеи, лианы и бромелии – многочисленные постояльцы, нашедшие приют на ветвях вековых гигантов. Периодически тишину нарушали пронзительные крики птиц. Почему-то сейчас они пугали Истаккальцина, ожидавшего внезапного нападения тоуэйю, и заставляли повернуться на звук. Странно, но вскоре дремотный сумрак каким-то образом успокоил мужчину. Тревожно вглядываясь между стволов, жертвователю ощущал, как его завораживает удивительная игра теней, заставляя не замечать плеск от шагов сотен соплеменников и их назойливые разговоры. Точно такие же неясные отблески и силуэты мелькали перед появлением пернатых змеев, которых служитель мог когда-то вызывать, подумать только, всего несколько дней назад.

Внезапно кто-то дотронулся до его руки – Истаккальцин отдернул её, словно ужаленный. «Что с вами, господин?» – Несауальтеколотль стоял перед ним, вопросительно глядя на жреца. Колонна ушла вперёд, последние носильщики мелькали между деревьев. «Не знаю, видимо, засмотрелся», – честно ответил Истаккальцин, опустив глаза. «Я понимаю, о чём вы, эти деревья... они приковывают взгляд. Пойдёмте, господин, мы должны нагнать остальных», – сказал юноша, но не двинулся с места, первосвященник зашагал вперёд за уходящей колонной, и младший жертвователю последовал за ним.

«Они приковывают взгляд, – повторил про себя Истаккальцин. – Что он имел в виду?» – думал мужчина, стараясь на всякий случай глядеть только под ноги и не озираясь по сторонам. Что же всё-таки привлекло внимание и заставило остановиться? Бывший первосвященник не мог ответить на этот вопрос, как ни пытался. Ведь среди стволов служитель так и не

заметил ничего особенного. Тем временем показался остров, и те, кто шёл в начале колонны, уже вышли на твёрдую землю. Внезапно тревожные раздумья прервал ужасный крик. Одновременно послышался громкий всплеск воды. Путники остановились и сгрудились где-то впереди, откуда доносился страшный шум – истошные вопли и звуки ударов. Истаккальцин ничего не смог разобрать, но побежал вперёд. Однако вскоре жертвователю понял: прорваться не удастся – место событий плотным кольцом окружили люди. «Крокодил», – наконец-то расслышал жрец среди громких причитаний, стонов и гомона.

Вскоре Уэмак уже стоял там и отдавал приказы. Через некоторое время Истаккальцину всё же удалось подойти ближе. Оказалось, огромный крокодил резко выскочил из воды и вцепился в ногу женщины. Бедняжка лежала на земле, истекая кровью, и то истошно завывала, то тихо постанывала. Над ней склонился целитель. Лекарь пытался стянуть раненую конечность верёвкой. Крокодила удалось убить. Тяжёлую тушу много больше человеческого роста выволокли на берег. Уэмак велел отнести её к месту будущей стоянки и зажарить. Воины расталкивали зевак, говоря им следовать дальше. Потихоньку столпотворение рассасывалось. Вскоре подоспели двое мужчин с наспех сделанными носилками. Женщину погрузили на них и понесли вслед за остальными. Возжигатель копала выцепил в толпе первого попавшегося жреца и велел ему оставаться рядом с раненой, а также проследить за тем, чтобы всё делалось правильно и вовремя. Уходя, Истаккальцин, сам не зная почему, обернулся. На месте, где лежала несчастная женщина, сидела большая птица, похожая на сову, и лакала кровь. «Надо же, кого только ни встретишь здесь», – подумал мужчина и быстрее зашагал прочь.

Лагерь пришлось разбить почти на том же самом месте. После нападения крокодила вряд ли кто-то желал продолжать путешествие по опасным топям. Солнце быстро садилось и под сводами затопленного леса становилось темно. Люди располагались на ночлег между деревьев. Случившееся произвело на них сильное впечатление. Изгнанники казались понурыми, старались лишний раз не шуметь и переговариваться шёпотом. В центре лагеря разделявали тушу крокодила, и Истаккальцин поспешил отворотиться от неприятного зрелища. Не желая ни с кем разговаривать, он ходил взад и вперёд без какой-либо цели. А заметив, что слуги уже поставили палатку Уэмака, священник поспешил туда. Царевич сидел внутри, нервно перебирая в руках пластинки жадеитового браслета.

– Ну что? – спросил Истаккальцин, предоставляя собеседнику самому выбрать тему разговора.

– Она не жилец, – покачал головой Уэмак, – говорят, кровотечение так и не удалось остановить.

– Кто она? – спросил жертвователю.

– Просто женщина из людей Чикаутлатонака. Незнатная. Не доживёт и до утра. Целитель из их калана и жрец пытаются облегчить страдания несчастной, но... – Мужчина махнул рукой.

– Ясно, – со вздохом проговорил Истаккальцин. – Больше ничего?

– Ничего, – повторил предводитель изгнанников. – Но знаешь, не нравится мне здесь. Всё тут какое-то, как бы сказать лучше, угрожающее, что ли, враждебное. Как посмотришь на эти стволы, этот мох, похожий на изношенное тряпье, который висит повсюду, сразу делается не по себе. Сам воздух нагоняет дурноту. А ещё мне всегда кажется, будто за нами кто-то наблюдает. Иногда прямо чувствуешь взгляд, буравящий спину.

Не успел вождь договорить, как из жаровни с треском вылетел сноп искр. Уэмак отпрянул назад.

– Ну вот видел? – продолжил он. – Я постоянно чувствую на себе взгляды. А как обернёшься, так ничего – одни деревья вокруг, будто они следят за нами. Порой кажется, что вот-вот вылетит стрела, и на нас побегут тоуэйю. Но ведь нет, ничего не происходит. И, может быть, я уже начинаю придумывать, но мне кажется, и воины часто оборачиваются. Конечно,

они не говорят ничего вслух. Но я чувствую, они также обеспокоены. Чего же ты молчишь, Истаккальцин, неужели ты сам не замечаешь то же самое?

Возжигатель копала действительно не проронил ни звука. Рассказать о мучивших его опасениях значило бы вывести из себя и без того находившегося на пределе Уэмака. Наконец, решив солгать, мужчина произнёс:

– По-моему, выводы делать слишком рано. Мы тут и дня не пробыли. Признаю, здешние топи выглядят необычно и на первый взгляд даже враждебно, но лишь из-за того, что мы пришли сюда из совершенно другой страны. Вот источник твоей тревоги. Но подожди, пройдёт время, и мы все привыкнем к лесу. Да, нападение крокодила напугало людей. Но не стоит искать здесь зловещих предзнаменований. Просто в Атекуаутлане живут крокодилы – вот самое естественное объяснение. В наших краях обитают пумы, койоты, ягуары, гремучие змеи. Они тоже нападают на человека.

– Однако смерть несчастной женщины, а она всё равно умрёт, не придаст людям уверенности в правителе. Думаю, уже сейчас некоторые начали обвинять меня в случившемся. Ещё один-два таких случая, и бунт неизбежен. Несчастье уже распускает свои цветы.

– Перестань, Уэмацин, – оборвал жрец. – Несчастье скорей наступит, если ты будешь предаваться унынию и видеть знамения беды везде и всюду. Помни, правитель – образец для всех. Тебе следует ободрять сердца, и, прежде всего, своё собственное. Посмотри, главное – мы до сих пор вместе, Кецалькойотль не нагнал нас, не схватил. Мы успеем уйти далеко-далеко в дебри, где нас не найдут. В пути никто не посмеет выступить против тебя, а как придём на место, придётся держать всей мёртвой хваткой. Но об этом мы подумаем потом.

– Воистину ты – факел, который не дымит, – согласно кивнув, произнёс царевич.

Вскоре принесли блюдо с кусочками жареного крокодила с фасолью и кукурузные лепёшки. А потом вернулся Косицтекатль. Мужчина выглядел уставшим и озабоченным. Сухо поприветствовав друзей, он сложил щит с оружием в угол палатки, снял шлем и устроился на циновке. Подождав, пока командир воинов-ягуаров поест, жрец спросил:

– Что скажешь, Косицтекацин?

– Да ничего, – отмахнулся тот, – расставил часовых. Ребята надёжные, не подведут. Так вроде бы всё спокойно. Раненая уже не кричит и стонет еле-еле, скорее всего, не доживёт до утра.

Истаккальцин заметил, как натужно говорит молодой полководец, слова явно давались ему с трудом. Какая-то мысль тяготила душу, но мужчина не хотел делиться тайными раздумьями с товарищами.

– Ты не заметил ничего странного в лесу? – снова принялся за своё Уэмак.

– Странного? – усмехнувшись, переспросил воин. – Да тут всё странное. Главное, чтобы ребята не пугались. А они немного не в себе. Ну да ничего, денька два – и привыкнут. Нужно только начало пережить, дальше станет легче. В любом случае мои бойцы всегда готовы обогреть дротики кровью врагов, – продолжил он. Сказав, командир положил себе ещё мяса и лепёшек, всем видом показывая полнейшее нежелание продолжать неприятный разговор. А Истаккальцин многозначительно взглянул на вождя, будто говоря: «Видишь, и Косицтекатль говорит то же самое».

Глава 8. Обитатели леса

Утренний туман, словно хлопковым пухом, покрыл лагерь изгнанников. Было холодно и промозгло. Уэмак с трудом открыл глаза и встал. Мужчина совершенно не выспался. Всю ночь ему снилось, будто огромные деревья сошли с мест и, размахивая ветвями, двинулись на людей, из воды начали выпрыгивать свирепые крокодилы и хватать зубастыми челюстями всякого, кто попадался поблизости, а гигантские летучие мыши пикировали с высоты и вгрызались в плоть тонкими и острыми, как обсидиановое лезвие, клыками. Бежать некуда, спастись нельзя. Молодой правитель несколько раз просыпался, а затем вновь проваливался в кошмар. Неужели сон должен стать предостережением? На всякий случай мужчина надел хлопковые доспехи, а поверх них перьевую тунику эуатль³⁹ и взял копьеметалку атлатль⁴⁰, макуауитль и щит.

Выйдя из палатки, царевич первым делом выслушал доклад от Косицтекатля. Военачальник выслал вперёд разведчиков, дабы те дали знать о приближении врага и прочих опасностях на пути. Ночью ничего не произошло, никаких нападений или попыток побега. Ближе к утру умерла женщина, искусанная крокодилом. Уэмак распорядился сжечь тело здесь же в лагере. Несколько человек отправились рубить дерево для погребального костра. Сырая древесина занималась долго и горела медленно. Предводитель изгнанников велел не дожидаться, пока тело обратится в пепел, а отправляться в дорогу. И вот, когда туман начал рассеиваться, длинная вереница странников потянулась в путь. Судя по всему, карта стала уже бесполезной, они успели миновать местность, изображённую на ней. Теперь приходилось идти без каких-либо ориентиров, дальше и дальше на восток.

Суша закончилась, и люди вновь зашагали по мелководью, тревожно оглядываясь по сторонам. К полудню вернулись разведчики и сообщили о большом участке суши чуть южнее их пути. Уэмак решил направиться туда, так как идти по твёрдой земле несравненно легче и быстрее, чем по скользкому илистому дну. Через некоторое время странники не без радости обнаружили перед собой обещанный остров, довольно узкую длинную гряду, поросшую вездесущими кипарисами и папоротником чистоустом. Настроение улучшилось, утренние тревоги притупились. Но стоило только паре десятков путников выбраться из воды, как в воздухе засвистели стрелы – несколько человек рухнули замертво. Воины, шедшие по краям колонны, мгновенно закрылись щитами и сомкнули ряды. «Они на деревьях, я их вижу!» – выкрикнул кто-то. Послышался второй залп. Кто припал к земле, кто с криком бросился наутёк, одновременно люди Уэмака ответили десятками пущенных копьеметалками дротиков. Началась перестрелка. Сам царевич вырвался из-под щита накрывшего его телохранителя и сделал несколько выстрелов в кроны, не прицеливаясь. Он ожидал новых жертв, но странно, из его отряда больше никто не погиб. На миг вождю показалось, будто стрелы врагов ломаются в воздухе. Действительно всё время слышался треск. Совсем рядом упала половина древка с оперением. А между тем несколько нападавших свалилось с деревьев. «Держи передо мной щит!» – крикнул Уэмак почти в ухо охраннику, а сам продолжал посылать дротики. Краем глаза он увидел, как то же самое делает и отважный Косицтекатль, в щите которого застряла не одна пара стрел.

Когда ответные залпы прекратились, воины поняли не сразу. Бойцы пустили ещё несколько копий и осторожно, поглядывая вверх, двинулись осмотреть тела поверженных вра-

³⁹ Эуатль – вид боевого доспеха, представлявший собой тунику из такни, обшитую перьями. В отличие от тлауистли эуатль не имел рукавов и штанин, а потому давал худшую защиту. Его надевали поверх хлопкового доспеха ичкауипилли, иногда с ножами и защитными браслетами. К эуатлю крепилась юбка из кусков кожи, украшенная драгоценными перьями. Такой костюм был прерогативой высшей знати и правителей.

⁴⁰ Атлатль – копьеметалка, с помощью которой дротик можно пустить с большей силой на большее расстояние, чем руками. Дротик упирался в крючок в верхней части оружия, а древко клало в желоб, а затем метали резким взмахом руки. Многие атлатли богато украшались. Данный вид оружия ассоциировался с богами, которые иногда изображались с атлатлем в руках.

гов. Мертвы все до единого. Их оказалось четырнадцать. Полностью голые, если не считать перевязи с колчаном, без каких-либо доспехов с луками и стрелами самой примитивной конструкции. Тела тоуэйо, а то были именно они, покрывала особая раскраска, позволявшая оставаться незамеченным в игре теней на ветвях деревьев. Предводитель изгнанников поспешил вперёд. Очень странно, часть трупов оказалась истыкана дротиками, а часть имела раны совсем другого рода, будто им разрывали горло когтями. «Переверни», – приказал он молодому воину, стоявшему рядом. Похожие непонятные повреждения обнаружились и со стороны спины. Как же они погибли? Уэмак посмотрел вверх и обмер – на ветвях между раскачивающимися прядями пачтли сидели огромные, величиной с орла, летучие мыши и хищно скалили свои зубастые морды. Кажется, похожие нетопыри привиделись ему во сне ночью. Неужели они? Нет, быть не может. Почему же тогда теперь твари ведут себя так спокойно и ни на кого не нападают? Мужчина повернулся назад. Там безутешные родственники стенали над телами погибших. Кто-то до сих пор дрожал от страха, иные же звали убежавших товарищей. «Каждому предводителю отряда посчитать своих людей, доложить об убитых и пропавших, – отдал он приказ подоспевшему чиновнику. – Соорудите носилки для раненых. Рубите деревья, готовьте костры для погребения. Пусть лекари осмотрят каждого из пострадавших и сделают всё возможное. Луки и стрелы тоуэйо возьмём с собой. Пригодятся. Собрать все дротики. Вынуть наконечники из сломанных». Сам Уэмак решил проверить то, что показалось ему ещё во время битвы. Неужели правда древки стрел нападавших ломались в воздухе? Место, куда стреляли дикари, уже порядком истоптали. «Разойтись!» – крикнул царевич, вскинув руку в повелительном жесте. Ничего не понимающие люди нехотя попятились назад. Уэмак склонился над землёй. Так, вот одна, а здесь вторая – ему удалось выцарапать несколько стрел из мокрой земли. Обе оказались переломленными. Несколько половинок нашлись под листьями папоротника, которые сын почившего правителя собственноручно вырвал и отбросил в сторону. «Что вы делаете, господин?» – Косицтекатель подошёл ближе и склонился над Уэмаком. «Позже объясню», – буркнул тот, поскольку собственное предположение казалось вождю совершенно невероятным, а потому не следовало высказывать мыслей прилюдно. Молодой воин отступил на пару шагов, продолжая с любопытством глядеть на действия друга.

Погибших оказалось шестеро – четверо мужчин и две женщины. Ещё восемь человек ранены, из них трое не могли ходить. Все убежавшие в лес вернулись, кроме одного раба из клана Мичинтекутли. Его даже пытались искать, но найти не смогли. Самое скверное, подлец скрылся со всей поклажей – целым мешком маиса и бобов.

Когда разожгли погребальные костры и соорудили носилки, сумерки уже начали стучаться. Драгоценное время пути пропало зря. Заночевали всего лишь на расстоянии нескольких полётов стрелы от места кровавого побоища. Уэмак созвал перед палаткой военный совет, но прежде молодому правителю почему-то захотелось ещё раз вернуться туда, на место недавнего побоища. Предводитель путников и сам не мог объяснить природы странного желания. Необъяснимое нарастающее беспокойство овладело им, и почему-то мужчина был полностью уверен: стоит только попасть на обгащённую кровью землю, всё встанет на свои места. Невзирая на возможную опасность, он незамеченным покинул лагерь и пошёл по вытоптанной среди папоротников траве. Бесшумно ступая, царевич приблизился к лежащим среди кипарисов телам тоуэйо. Открывшаяся картина заставила содрогнуться. Молодой мужчина чуть не вскрикнул от ужаса. По трупам ползали те самые летучие мыши. Безобразные создания сосали драгоценную влагу из ран мертвецов, прокусывая вены и вспарывая кожу. Их шелковистая шёрстка сделалась мокрой, мордочки были измазаны, а крылья перепачканы кровью. В страхе вождь начал медленно отступать назад, не отрывая глаз от пирующих кровососов. Те, похоже, то ли не заметили наблюдателя, то ли не проявляли к живому человеку ни малейшего интереса. Шаг, второй, третий, и вдруг он на что-то наткнулся, и сильные руки схватили его и зажали рот.

– Тише, это я Косицтекатель, – шепнул воин на ухо Уэмаку и ослабил хватку.

– Ты, да как ты мог? – еле сдерживаясь от крика, негодуяюще произнёс царевич. – Ты же меня напугал.

– А сам-то чуть не наступил на меня. Что мне оставалось делать? Не кричать же на весь лес. Пошли скорее отсюда.

И друзья, стараясь идти как можно тише, направились в сторону лагеря.

– Ну знаешь, хорошо, что это был ты, а не кто другой, – начал приходить в себя предводитель изгнанников. – Что ты тут делаешь?

– Я? Пошёл за тобой. Извини, но я не могу оставить тебя одного в лесу.

Уэмак демонстративно вздохнул.

– Ты их видел?

– Да.

– Скажи, Косицтекатель, ты не заметил в сегодняшней битве ничего странного?

– Заметил, – с ухмылкой отвечал тот.

– Говори, – нетерпеливо сказал царевич.

– Нет уж, давай ты, ты ведь правитель, тебе всё сойдёт с рук. А то ещё подумаешь, будто я сошёл с ума, и отстранишь от командования, кто ж тебя тогда охранять будет? – шутливо произнёс глава ордена воинов-ягуаров.

На людях Косицтекатель не позволял себе подобных выходок. Но между собой друзья всегда общались без церемоний. Ведь, несмотря на высокие должности, они всё равно оставались молодыми парнями, знавшими друг друга с самого детства.

– Ладно, – отвечал Уэмак. – Мне показалось, будто только первый залп тоуэйо долетел до нас, остальные стрелы сломались в полёте, просто переломились. Понимаешь? И никого не смогли убить. А ещё, ты видел раны на их телах? Такие нельзя нанести дротиком из атлатля. Кто их убил? Неужели те летучие мыши, которые пируют сейчас на останках?

– Знаешь, ты абсолютно прав. Мне показалось то же самое. Просто я действительно не хотел говорить, дабы не показаться сумасшедшим. Бьюсь об заклад, так оно и есть. Теперь я полностью уверился в своей правоте, ведь и ты заметил это.

– А нам повезло, – сказал царевич, – не сломались бы стрелы, жертв было бы куда больше. Но послушай меня, друг, никому не говори ни о чём, кроме Истаккальцина, пожалуйста! Ты меня понял? Даже если кто-то скажет, что заметил то же самое.

– Будь уверен, можешь на меня положиться, – ответил Косицтекатель и пристально посмотрел в глаза вождю.

К тому времени друзья уже дошли до лагеря. Погребальные костры вовсю пылали. Каким ярким казался их свет в быстро сгустившихся сумерках. «Они привлекут внимание тоуэйо, – пронеслось в голове у царевича. – Хотя неужели дикари не знают о том, где мы находимся? Конечно, знают. Быть может, и теперь их лазутчики наблюдают за нами из черноты леса». Родственники погибших в голос рыдали, глядя на всполохи пламени, съедавшие тела убитых. Другие стояли неподвижно, молча взирая на скорбное действо. «Неужели каждый день будут новые жертвы? Сколько людей ещё отнимет лес, пока мы не найдём себе пристанища?» – горестно подумал Уэмак, проходя мимо. Однако поодаль жизнь шла своим чередом: путники готовили еду, бинтовали стёртые ноги, утешали детей, чинили порванные сандалии. Кто-то уже спал, завернувшись в плащ на голой земле, кто-то беседовал с соседом, тотчас замолкая при виде правителя. У палатки предводителя изгнанников вокруг костра расселись на циновках главы отправившихся в путь кланов. Здесь же находился Истаккальцин, занявший место по левую руку от вождя. Предстояло утихомирить всех несогласных и внушить необходимость продолжения странствия, ведь путь назад может оказаться не менее опасным, чем дорога дальше на восток.

Глава 9. Те, кто живут кровью

Истаккальцин, как всегда, шёл в хвосте колонны в сопровождении других жрецов. Воспоминания прошедшего дня полностью захватили молодого первосвященника. Как много нужно осмыслить и переварить. Когда он жил в большом городе и лишь временами отправлялся в удалённые святилища, которые хоть и строились вдалеке от человеческого жилья, но всё равно находились на контролируемой территории, то думал, будто знает о жизни всё. Да, жертвователю считал, что судьба уже не сможет устроить ему никаких сюрпризов, по крайней мере в мире людей, видимом и открытом. От богов, конечно же, можно ожидать чего угодно. Но на деле вышло совсем по-другому. Стоило только ступить за порог исследованного пространства, как необъяснимое стало проявляться на каждом шагу. Может, всему виной вода, низвергнутая с Луны? Ну а самое ужасное – конечно же, смерти людей. Неужели неведомая земля будет каждый день забирать кого-то, будто взимая чудовищную плату с чужаков за пребывание под сводами затопленного леса?

Вчера утром жрец, ухаживавший за искусанной крокодилом женщиной, сообщил буквально следующее: «Я находился всегда с ней, когда её несли. Разум покидал её, и женщина пребывала в состоянии оглушения. Не знаю, чувствовала ли она муки или нет, но я в равные промежутки времени вливал ей в рот утоляющий боль напиток. Мы тогда здорово отстали от всех, и вокруг стало тихо. Только шаги мои да носильщиков слышались в безмолвии леса. И вдруг мне показалось, как будто шорох следует за нами по пятам. Я обернулся. Знаете, что я увидел? Огромная летучая мышь ползла прямо по земле и слизывала капли крови, стекающие с носилок. Я попытался отогнать животное посохом. Зверюга посмотрела на меня с нескрываемой злобой, расправила крылья и, спорхнув, села на ближайшее дерево. Не знаю почему, но я испугался. Хотя какой смысл бояться простого нетопыря? Больше я не оборачивался. Но мне казалось, будто та тварь продолжила идти за нами. Когда наконец-то разбили лагерь, я остался рядом с больной. Женщина была ещё жива, когда я засыпал. Посреди ночи я проснулся, не знаю почему. Свет костра падал на раненую, и я пришёл в ужас от увиденного. Летучая мышь, та самая, сидела прямо на ней, она, должно быть, прокусила повязку и лакала кровь из раны. Несколько мгновений я не отрывал глаз, настолько меня шокировала та картина, а как пришёл в себя, прогнал кровососа тем же посохом. Кинулся к женщине – она уже была мертва: ни пульса, ни дыхания, тело уже начало холодеть».

До того первосвященник собственными глазами видел огромную сову, пившую кровь той же несчастной. А вчера ночью после совета сам Уэмак рассказал о летучих мышках-кровососах на трупах убитых тоуэйю. Откуда здесь столько животных, питающихся кровью? Или то и не звери вовсе? Кто питается драгоценной влагой? Истаккальцин хорошо знал ответ на этот вопрос.

А ещё вчера на совете двое открыто выступили против Уэмака. Чикаутлатонак, из его людей была та женщина, и Омишомачиотль, он ещё тогда, во дворце, сомневался, стоит ли идти в Атекуаутлан. Тогда Уэмак открыто спросил недовольных, не желают ли они повернуть обратно в Ойаменауак на верную гибель или могут ли вывести изгнанников на более безопасную территорию. Но карты ни у кого не было, а назад возвращаться казалось ещё более рискованным мероприятием. Так что несогласных удалось унять, но надолго ли? Вот и Коскацин с Кокольтекуи предпочли промолчать, они не высказались в поддержку Уэмака и не проронили ни слова во время всего обсуждения. В итоге царевич не стал менять намеченного курса: они будут двигаться вперёд, через два дня-три нужно будет искать место для поселения. Пока же главная задача – как можно дальше уйти от границ Ойаменауака. Благородный Косицтекатль со всей присущей ему горячностью поддержал друга. Остальных не очень-то и спрашивали. В

итоге несогласия никто не высказал, но все поняли, положение становится всё более и более шатким.

А после совета Уэмак ещё рассказал о стрелах, ломающихся в воздухе и летучих мышах-кровососах. Мог ли бывший первосвященник объяснить произошедшее? Все знания, накопленные за годы, здесь оказались совершенно бесполезными. Ведь Истаккальцин и понятия не имел ни о местных обитателях, ни о богах, ни о духах, ни о тоуэйю, ни о том, куда и сколько ещё идти по гиблому проклятому лесу. Мог бы он обратиться к предкам, тогда они, наверное, послали бы видение. Но сейчас нет ни точных сведений, ни книг, ни откровений, даже карта больше не помогала, ведь в такую даль никто ещё не забирался. Что же оставалось? Только ждать. Быть может, дальнейшие события прольют свет на происходящее под пологом раскидистых крон болотных кипарисов. Но сколько же жертв потребуется? Неужели каждый день должен забирать всё новые и новые жизни? Ответов не было. Уэмак решил готовиться к возможной атаке. Молодому вождю казалось, будто тот обстрел являлся лишь первым предупреждением, акцией устрашения, а теперь тоуэйю готовят серьёзное нападение с участием большого количества воинов. Да, растянутая колонна слишком уязвима, но и останавливаться нельзя. Вдруг Кецалькойотль всё же выслал отряд преследователей? Им ничего не стоит по следам отыскать изгнанников. Значит, нужно идти вперёд, продвигаться любой ценой и не сворачивать с выбранного пути.

Да, вчерашний день оказался богат на события, но утро принесло ещё одну новость, и именно она теперь не давала покоя верховному жрецу более всего. Грядя кончилась, и путники снова вступили в воду, но промокшие сандалии и плащ мало заботили Истаккальцина. Возжигатель копала всё прокручивал в голове рассказ старого жреца, ночевавшего в одной палатке с Несауальтеколотлем: «Я уже в том возрасте, когда совсем мало спишь, – начал он, улучив момент, когда с первосвященником можно было переговорить наедине. – Обычно я неподвижно лежу, отдыхаю, восстанавливаю силы после тяжёлого дня, но всё вижу и слышу, что происходит вокруг. Вчера посреди ночи Несауальтеколотль поднялся и вышел из палатки. Поначалу я не подумал ничего дурного. Сами понимаете. – Старик улыбнулся. – Я даже немного задремал, но вскоре почувствовал неладное. Знаете, почему? Я не слышал привычного дыхания Несауальтеколотля. Это меня насторожило. Я открыл глаза – так и есть, парень пропал, а ведь прошло уже довольно много времени. Может, стоило поднять тревогу, но как же искать человека в кромешной тьме, не зная, куда и зачем он отправился? Да и вообще, неизвестно, покидал ли он лагерь или нет. Быть может, он в соседней палатке, тогда меня на смех поднимут. Я решил дождаться утра. И вдруг в палатку заходит Несауальтеколотль и ложится на своё место. Я уже было успокоился, но потом почувствовал, что мальчик весь дрожит, у него даже зубы стучали, а ещё он постанывал и дышал очень тяжело и часто, будто ему пришлось бежать от кого-то. Я хотел его расспросить, но потом подумал: раз он сам ничего не сказал, то и лезть лишний раз не нужно. Была бы опасность, наверное, он разбудил бы весь лагерь. А тут, верно, что-то другое. Ежели вы желаете, то сами расспросите его, вы же верховный жрец, он обязан вам подчиняться».

Вот теперь Истаккальцин думал, стоит ли беспокоить мальчика или следует оставить его наедине со своей тайной. Нет, верховный жрец определённо не подозревал младшего товарища ни в чём порочном, но юноша, странный во многих отношениях, может натворить что угодно, не зная, к чему это может привести. Да и вообще покидать лагерь одному ночью в таком опасном месте – просто верх губительного безрассудства. С другой стороны, Несауальтеколотль обычно болезненно воспринимает вторжение в свои дела. Он часто агрессивно реагировал даже на самые безобидные вопросы. Истаккальцин всегда жалел своего подопечного и вопреки традиционным методам воспитания не хотел ломать его. Интуиция подсказывала священнику: здесь нужно действовать по-другому. Скорее, верховному жрецу следовало завоевать

доверие обладающего незаурядным чутьём паренька и тем самым превратить его в верного союзника как в тонких играх с богами, так и постоянной борьбе среди высшего духовенства.

Несауальтеколотль, как обычно, шёл рядом. Только теперь мальчик выглядел каким-то смущённым: всегда косился в стороны, старался избегать взглядов Истаккальцина и всячески пытался скрыть внутреннее беспокойство, тем самым только сильнее выставляя тревогу на показ. А ещё он, определённо, казался бледнее обычного. Или просто верховный жрец старается разглядеть то, чего нет? Но почему сегодня Голодная Сова вставил в волосы красные перья попугая ара? Во время путешествия никто, кроме Уэмака и нескольких высших аристократов, не носил никаких украшений. Жрецам, лишённым связи с богами, надевать ритуальные головные уборы совершенно ни к чему. И сам юноша ещё вчера имел обычную причёску. Красные перья. Истаккальцин знал им много разных применений, но чаще всего их надевали, дабы привлечь внимание богов. Ведь они, как огонь, который видно далеко во тьме.

«Нет, эта неопределённость сводит меня с ума, – подумал мужчина. – Если я сейчас не выпрошу всё, то так и буду терзать себя весь оставшийся день». «Несауальтеколотль», – негромко позвал он мальчика. Тот сделал вид, будто не слышит. «Несауальтеколотль», – повторил возжигатель копала и положил руку на худенькое, костлявое плечико.

– Да, господин, – парень повернулся и испуганно взглянул на первосвященника.

– Давай отойдём в сторону, – сказал Истаккальцин, подталкивая юного жреца.

– Ты ничего не хочешь рассказать мне, Несауальтеколотль? – спросил бывший служитель Тескатлипоки как можно жёстче.

– Нет, господин, – отвечал тот дрожащим голосом.

Главный жертвователю сильнее нажал на плечо мальчика и почувствовал, как кожа собеседника буквально загорается. Уж что-что, а скрывать обман тот совсем не мог.

– Ты не умеешь врать, Несауальтеколотль, и никогда не научишься, так что и не пытайся, – несколько смягчив голос, произнёс Истаккальцин. – Расскажи мне всё, не скрывай. Ты же знаешь, я – твой друг, я не сделаю тебе зла.

Он заметил, как тело юноши подрагивает, и отпустил плечо, пристально посмотрев в глаза собеседнику в ожидании ответа.

– О чём рассказать, господин? – Несауальтеколотль захотел для начала проверить, что уже известно Хозяину Белого Чертога.

– О том, куда ты ходил сегодня ночью, – ответил мужчина. – Только не пытайся скрыть, ведь я сразу пойму, и мне придётся наказать тебя, понимаешь?

Юноша вздохнул и поправил налобную повязку, закреплявшую груз. Жрецы пошли рядом с основной колонной на расстоянии пяти шагов, и Несауальтеколотль нехотя начал рассказ: – Как только мы пришли сюда, я сразу понял, за нами наблюдают. Нет, не крокодилы, не пумы, и не тоуэйо, а создания из мира невидимого. Ощущение такое же, как когда мы призывали предков. Помните, вы говорили: «Чувствуешь, Несауальтеколотль, великие здесь, и они смотрят на тебя». Так вот, теперь я ощутил то же самое. Я всё время пытался установить с ними контакт, с теми незримыми духами. Но никто не отвечал мне. Они хранили молчание. Когда умирала женщина от укусов крокодила, стало ясно, они переключились на неё. Вы ведь видели огромную птицу, опустившуюся на лужу крови? Сова ведь их посланник, правда? По крайней мере, мне так показалось. А ещё появилось предчувствие: скоро грядёт столкновение с ними, духи не могут не дать о себе знать. Можно сказать, я уже готовился к неминуемой встрече. Вы ничего не говорили, но я знал, вы думаете то же самое. Однако я сомневался, могу ли поделиться с вами своими соображениями. – Парень говорил всё увереннее, а Истаккальцин внимательно слушал и не перебивал. Все его подозрения начали подтверждаться. В душе молодой первосвященник радовался – теперь он не одинок. – Я и сейчас не знаю, поверите вы мне или нет. В вашей власти наказать меня, но события прошедшей ночи подтвердили мои предчувствия. С самого начала мне не спалось. Сердце колотилось в груди, смутная, бес-

причинная тревога не отпускала, назойливые мысли кружились в голове, дышать становилось всё тяжелее. Вскоре из всех этих разрозненных ощущений родилась странная необъяснимая сила. И она толкала меня немедленно выйти из палатки. Не понимаю, почему я так решил, наверное, виной тому зов, неслышимый призыв таинственного существа, с которым предстояло встретиться. Стоило только покинуть убежище, как я сразу же увидел его – богато одетого мужчину в роскошном уборе из перьев. Факел, который он держал в руках, полностью освещал его фигуру. Почему-то сразу стало ясно, его вижу только я. По крайней мере, сидящие у костра люди совершенно не замечали чужака. Судя по богатой, изысканной одежде, он – точно не тоуэйо. Свободной рукой мужчина поманил меня к себе, а я пошёл, не испытывая никакого страха. У меня и в мыслях не было кого-то предупреждать. Честно говоря, я вообще ни о чём не думал в то время, просто шёл ему навстречу, и всё. Странно, я совсем не разглядел его лица и не запомнил никаких деталей одеяния, только помню, выглядел он точно как жрец или правитель в праздничном облачении. Когда я поравнялся с незнакомцем, он всё так же без слов жестом велел следовать за ним. И я пошёл. Его факел освещал путь. Мы шли прямо, ни воды, ни деревьев, ни пышных папоротников не встретилось по дороге. Сейчас я даже не могу сказать, шли мы по песку, камню или грязи. Тогда я просто следовал за ним, не задумываясь, не обращая внимания ни на что другое. Вы знаете, господин, я всегда стараюсь быть осмотрительным. Верно, тот человек, если его можно назвать человеком, подчинил меня своей воле. Ушли мы не далеко от лагеря, хотя точно не скажу насколько. Он привёл меня на широкую поляну, окружённую кипарисами. В её центре стоял большой камень, сплошь покрытый мхом. Ночной гость подозвал меня к нему. Он поднёс факел ближе и осветил изваяние, а второй рукой провёл по поверхности камня. Нет, он ничего не соскребал и не счищал, но в мгновение ока весь мох отстал и осыпался вниз, а я увидел изысканную резьбу – красивые рельефы с символами планет и звёзд, Солнца, Луны, войны, жертвоприношения и многими другими не знакомыми мне обозначениями. Мужчина поднял мою руку, а я безропотно подчинился. Он достал заострённую кость и сделал надрез. Потекла кровь, а я даже боли не почувствовал. Незнакомец взял руку и начал разбрызгивать драгоценную влагу над алтарём. Потом он повернулся ко мне, и тут я обмер. Теперь его лицо превратилось в череп, весь красный с белыми зубами, а из носа торчал кремневый нож. Страх мгновенно овладел мною. Я вырвался, да он меня и не держал, и бросился наутёк. Я уже не помню, как добрался до лагеря. Знаю только, мне не пришлось плутать в ночи, а ещё всё то время, пока я бежал, я ощущал его тяжёлый взгляд, который буквально буравил мне спину. Дрожа от ужаса, я вернулся в палатку, меня всего колотило от испуга. Но зато заснул я быстро и никаких сновидений не видел. А утром от страха не осталось и следа. Я же жрец, и кому как не мне знать, что у вестников богов или самих божеств часто бывает череп вместо головы – знак выходцев из места лишённых плоти. Великие принимают порой самые ужасные образы, и мы должны быть готовы ко всему в общении с ними, ведь так? И теперь я пытаюсь вновь наладить с ним связь. Да, мой зов не услышит никто из духов. Зато они следят за нами, наблюдают каждый миг, и красные перья должны показать, я готов снова предстать перед ними, если они захотят, и я постараюсь подавить любой страх в сердце.

– Поразительно! И как ты ещё хотел от меня скрыть такое? – негодовал Истаккальцин. – Но будь осторожен, Несаяльтеколотль. Мы до сих пор слишком мало знаем. Пока сделаем так. Никому не рассказывай о случившемся, кто бы тебя ни спросил. И как верховный жрец я приказываю тебе: если почувствуешь, что кто-то из великих вновь хочет связаться с тобой, немедленно сообщи мне, если сможешь. Постарайся не предпринимать никаких действий без меня. Ты понял? – Мужчина пристально посмотрел в глаза юноше.

– Да, господин, – ответил Несаяльтеколотль.

– Не упрекай себя. Рассказывать обо всём мне – твой долг. Ты молодец, – одобряюще проговорил первосвященник. – Мне же предстоит подумать над твоим рассказом. Пока мы не знаем, кто играет с нами и чего он хочет. А значит, сейчас важно всё, любая малейшая

деталь. Чем больше сведений мы соберём, тем скорее сможем воссоздать более-менее чёткую картину происходящего. Знаешь... – Возжигатель копала ещё раз многозначительно взглянул на собеседника. – Я очень боюсь за тебя. Не наддай глупостей. – Несуальтеколотль кивнул. – А теперь пойдём присоединимся к остальным.

Но Истаккальцину не удалось поразмышлять об услышанном. Кто-то окликнул его по имени. Жрец обернулся. Перед ним стоял уже знакомый слуга Уэмака. Видно, он бежал вдоль всей колонны, разыскивая жертвователя, и теперь запыхался. Парень почтительно поклонился и сбивчивым голосом произнёс:

– Господин, наш правитель, просит вас немедленно прийти к нему. Дело исключительной важности.

– Хорошо, иду, – ответил священник, уже гадая, какую ещё новость готовит судьба.

Оказалось, вернулись разведчики, посланные вперёд до отбытия из лагеря, два молодых воина в хлопковых доспехах с копьеметалками и макуауитлями. Мужчины были сильно возбуждены и, кажется, напуганы. Они нетерпеливо переминались с ноги на ногу перед лицом правителя. Уэмак отвёл их подальше от колонны, пригласив только Истаккальцина и Косицтекатля, ведь такой рассказ не должен стать достоянием лишних ушей.

Возжигатель копала приветствовал друга, как тлатоани. Слуга поспешил немедленно удалиться.

– Теперь рассказывайте, – приказал Уэмак, когда тот, отошёл достаточно далеко от собравшихся. Бойцы переглянулись, решая, кому начинать. – Быстрее, – нетерпеливо произнёс царевич.

– Мы уже отошли далеко от лагеря, – процедил один из разведчиков. – И успели добраться до большой прогалины. Здесь кипарисы не росли, видимо, глубина тут больше, чем в других местах, как вдруг из леса на каноэ выплыл воин тоуэйю. Увидев нас, он начал стрелять из лука, но, к счастью, промазал. Мне же удалось попасть в него из копьеметалки. Дротик пронзил дикарю шею. Он упал поперёк лодки, которая осталась на плаву. Мы уже было решили доплыть до него, забрать дротик и лук со стрелами, как вдруг увидели странную птицу, огромную сову с пёстрыми перьями. Возникла она как будто из ниоткуда, бесшумно опустилась рядом с каноэ и тут же превратилась в ужасное создание – скелет, череп и конечности которого были зелёного цвета. Вместо стоп и кистей у него торчали когтистые птичьи лапы. В скатавшихся чёрных волосах на голове виднелись вырванные из орбит человеческие глаза и кремневые ножи. Я видел таких созданий на рельефах в храмах, но этого ещё покрывала трава. Длинные листья росли на голове и спине, такого мне встречать ещё не приходилось. Мы глядели на него, как замороженные, не в состоянии сдвинуться с места. А он просто стоял на воде и не тонул. Вдруг скелет поднял вверх свои руки и широко, как только можно, раскрыл рот – тут же из мёртвого тела в воздух поднялся поток крови. Извиваясь, словно змея, струя направилась прямо в рот чудовищу, которое не без удовольствия поглотило драгоценную влагу всю без остатка. Труп тут же побелел. Должно быть, в нём уже не осталось ни капли крови. А скелет посмотрел на нас, снова превратился в птицу, та поднялась в воздух и улетела. Мы уже не стали подходить, а побежали скорее к вам. Клянусь, господин, всё это правда. Мы оба видели, своими глазами видели. Нам незачем врать.

Уэмак многозначительно посмотрел на Истаккальцина – тот молчал. Затем царевич обратился ко второму воину:

– Тебе есть что добавить?

– Нет, господин.

– Тогда ступайте оба. И помните, проговоритесь – останетесь без голов!

Раскланиваясь и обещая молчать, воины, поспешили удалиться.

– А ты что скажешь? – спросил Уэмак у Истаккальцина.

– Похож на вестника богов, – заметил первосвященник, – но кто именно его послал? В одном кодексе я видел такого. Если твои разведчики его точно описывают, то это, должно быть, скелет Малиналли⁴¹. Только вот зачем его послали? Безусловно, явление спутника бога – прежде всего, знак нам. Понятно, детям Дарителя Жизни всегда нужна кровь. Но почему им просто открыто не потребовать её у нас?

– Главное, он не напал на наших ребят. Наверняка таких не берут ни стрелы, ни дротики, – добавил Косицтекатель.

– Если бы ему хотелось как можно больше крови, то он мог бы убить и их. Но вот если бог желает постоянно получать от нас жертвоприношения, то ему действительно нет никакого резона лишать жизни наших воинов. Будем считать пока так. И если я действительно прав, то скоро тот, кто за всем этим стоит, должен показаться и объявить свою волю.

– Ты уже давно мечтаешь, чтобы нашёлся бог, который бы захотел получать от тебя жертвы в обмен на своё покровительство, – усмехнулся молодой командир. – Если такой тут есть, он бы давно пришёл и потребовал от нас драгоценной влаги, копала, пищи и драгоценностей. Но сколько мы идём, никто не сделал нам такого предложения. Ты прекрасно понимаешь, Великим мы нужны равно как и они нам. Да, боги заботятся о нас, посылая урожай, долгожданный дождь, предсказания будущего и военные победы. Но и мы кормим их кровью и сердцами людей. Где источник их могущества, кроме как в жертвах? Как поступали наши предки с богами, которые не проявляли должной благосклонности? Они просто переставали им поклоняться. Так вот я и говорю: если ни один из великих за столько дней не выказал своих намерений, то такого здесь попросту нет. Наверняка все местные боги благоволят тоуэйю.

– Не богохульствуй! – сквозь зубы процедил раздражённый первосвященник. Речь воина-ягуара настолько озлобила его, что жрец сжал кулаки, и ногти больно врезались в ладони.

– Прости, Истаккальцин, я не хотел тебя обидеть. Все мы сейчас немного не в себе, – смягчился Косицтекатель, – Видишь ли, я просто хочу оградить тебя от неоправданных надежд. Когда у тебя есть мечта и ты думаешь, будто вот-вот она осуществится, можно любое совпадение и всякую мелочь трактовать как знак судьбы. Но чем сильнее уверяешься, тем большим ударом становится крушение надежд. Мне кажется, дело обстоит вот как. Здесь есть существа божественной природы, которые пьют всякую пролитую кровь. Они не ждут жертвоприношений на красивых алтарях и высоких пирамидах. Духи берут своё здесь и сейчас, рыщут по лесу, словно падальщики. Живущие тут варвары не могут обеспечить своим покровителям ни нужного количества жертв, ни достойных культовых обрядов. Вот и приходится здешним богам полагаться самим на себя.

– Но дети Дарителя Жизни так себя не ведут, – отрезал Истаккальцин.

– Прости ещё раз, – продолжил молодой воин, – но ты ни разу не имел дела с религиями варваров. В твоих бесценных кодексах не написано о вере и обрядах низменных диких людей. Их же писали обитатели больших каменных городов. Поправь меня, если я не прав, но вы, жрецы, общаетесь только с равными себе. Вы вступаете в теологические споры с такими же, как вы, служителями культа из других крупных столиц. Но вам ни к чему знать о богах диких народов, ведь если сами они пребывают в таком убогом состоянии, то и покровители их, наверное, не обладают сколько-нибудь значимым могуществом.

На такой аргумент у первосвященника не нашлось ответа. Он действительно никогда не считал нужным изучать религию варваров. Слова друга потрясли возжигателя копала. Да, он ещё молод и не может похвастаться опытом нескольких десятков лет служения, но всё же его выбрали первосвященником вполне заслуженно. И за всё время карьеры никто ни разу не упрекнул Истаккальцина в неправильном подходе или недостаточной компетенции.

⁴¹ Скелет Малиналли – один из персонажей, изображённых в кодексе Борджиа на 75-й странице. Его роль в пантеоне богов наука доподлинно неизвестна.

Наоборот, несмотря на свой возраст, верховный жрец всегда являлся непререкаемым авторитетом в вопросах веры. А за последние дни на него буквально обрушился шквал сомнений, пришлось несколько раз убедиться в поверхностности и неполноте своих знаний о богах. И вот теперь воин, который не получил такого исчерпывающего образования, высказывает идею, ещё раз пошатнувшую наработанную поколениями систему представлений о детях Дарителя Жизни. Воистину, если смотреть на вещи всегда под одним углом, перестаёшь замечать многие очевидные факты.

Но Косицтекатель не знает о событиях прошедшей ночи. Кто-то из числа великих уже связался с Несауальтеколотлем. Истаккальцина несколько раз подталкивало поведать друзьям о случившемся, но жрец взял себя в руки и сдержался. Слишком рано. Нет, он ничего не скажет, пока не будет уверен наверняка.

– Возможно, ты и прав, – вздохнул Истаккальцин.

Глава 10. Незнакомец внутри

К вечеру странники вышли к большому безлесному участку. Глубина стала существенно больше. Пришлось обходить стороной, порою по пояс в воде. Кругом виднелись большие кожистые листья кувшинок, образующие сплошной зелёный покров. По нему, словно по земле, прохаживались деловитые кулики, выскивающие длинными клювами добычу. На плавающем стволе упавшего дерева грелись ленивые черепахи. Большая белая цапля с криком вылетела из чащобы и исчезла за деревьями. Огромная панцирная щука глотнула воздуха с поверхности, выставив наружу свои длинные тонкие челюсти, и тут же ушла на глубину. Лучи заходящего солнца золотили кору расступающихся болотных кипарисов. Ветер колыхал длинные пряди пачтли на их ветвях, устроив причудливую игру теней. Здесь же в кронах на освещённых участках то тут, то там виднелись большие бесформенные наросты из причудливо изгибающихся уродливых корней, коротких толстых стеблей, похожих на луковицы и пучков лентовидных мясистых листьев. А из них на длинных стрелках тянулись к солнцу крупные нежные цветы пурпурного цвета – лелии⁴², прекраснейшие из осенних орхидей. Такие чудесные краски посреди унылого однообразного серо-зелёного пространства. Неутомимые птички-колибри, блистая изумрудными пёрышками, перелетали от одного растения к другому. Жизнь обитателей огромного затопленного леса продолжалась независимо от пришельцев и без оглядки на присутствие богов. Здесь каждый занимался собственным делом, играя свою установленную на протяжении тысячелетий роль. Какое чудное место, такое земное и одновременно нереальное. Как же хотелось остаться и просто следить за выходящими, словно на сцену, персонажами огромного спектакля, непрерывно разыгрываемого природой. Но только не сейчас, изгнанники спешили. Ведь совсем недалеко должен показаться обещанный разведчиками остров, где они наконец-то смогут отдохнуть и восстановить силы для тяжёлого завтрашнего перехода.

Истаккальцин хотел навестить Несауальтеколотля в конце колонны, но был вынужден провести с Уэмаком весь остаток пути до очередного острова. Они обсуждали, как поступить с больными, которых становилось всё больше. Раненых в бою тащили на носилках. У четверых началось нагноение и лихорадка. Одному, скорее всего, не выжить. У остальных прогноз неясен. Тех, кто не мог идти, потому что вывихнул ногу или заболел, Уэмак оставлял на попечение родственников. Пусть сами решают, как распределить груз между собой. Лекарств пока хватало. Для воинов, носильщиков и пострадавших от рук тоуэйо снадобья выделялись из общих запасов. Лечение заболевших должны обеспечить главы кланов. Целителям и жрецам приказывалось не брать никакой платы. Правитель обязал их отказывать помощь любому, будь то раб или глава знатного семейства. Хотя ранг лекаря всё-таки зависел от положения пациента. Если крестьянин мог довольствоваться услугами простой знахарки, то знатный воин удостоивался внимания высокопоставленного жреца.

Продукты заканчивались. Их хватит всего на несколько дней, даже если расходовать экономно. Правда, по мере убывания запасов поклажи становилось всё меньше – слабое утешение. Кто-то пытался стрелять птиц или бить рыбу острогой, но времени на полноценную охоту не хватало. Ни в коем случае нельзя задерживаться, если погоня может оказаться совсем близко. Сколько ещё выдержат изгнанники? Местность же оказалась весьма бедной – никаких съедобных растений или крупных животных.

Наконец-то обещанный остров. Измученные люди выходили на песчаный берег и отряхивали приставшую к одежде водную растительность. Кто-то вспугнул украшенную причудли-

⁴² Лелия (Laelia) – род растений семейства орхидные. Растёт в Мексике, Центральной и Южной Америке. Встречаются в разнообразных природных условиях – в низинных дождевых лесах, в горных лесах, в открытых местообитаниях, произрастают на ветвях деревьев и скалах. Цветки крупные до 20 см.

выми гребнями ящерицу василиска⁴³, которая, быстро перебирая ногами, убежала прямо по поверхности воды и забралась на ствол ближайшего кипариса. День прошёл без жертв, никто не попал в челюсти крокодила, никаких нападений, болезней и травм. Обрадованные долгожданным отдыхом люди устраивались на ночлег и разводили костры. Слышались звуки зернотёрок – женщины занимались привычным делом – готовили тесто для кукурузных лепёшек. Слуги расчищали места под палатки.

И тут послышались испуганные крики. В мгновение ока целая толпа собралась у высокого дерева, люди задирали головы и показывали пальцами вверх. Уэмак подошёл ближе и увидел страшную картину. Высоко на ветке среди растущих на коре кипариса бромелий и орхидей была насажена на острый сук отрубленная голова. Запёкшаяся кровь стекала по свисающим вниз прядям пачтли. На лице застыла гримаса ужаса и невыносимой боли, из открытого рта виднелись жёлтые, изрядно прореженные зубы. «Это же он!» – воскликнула одна из женщин, суеверно закрыв глаза ладонью и отвернувшись. Оказалось, голова принадлежала сбежавшему вчера рабу.

Уэмак приказал снять ужасную находку и унести подальше от лагеря. Как только слуги выполнили указание, жизнь вернулась в привычное русло. Истаккальцин, измождённый дорогой, наконец получил возможность присесть. Ноги, прошагавшие добрую половину дня, гудели, а ведь он в отличие от большинства жрецов и крестьян не нёс ничего особо тяжёлого, а потому испытывал чувство вины, глядя на то, как простые люди со вздохом облегчения снимают неподъёмные тюки с натруженных спин. Молодой мужчина сел на землю и прислонился к влажной коре кипариса. Как же хорошо! Глаза закрывались сами собою, священника клонило в сон. «Но ведь нужно ещё поесть, – думал он про себя. – Нет, пока не время засыпать». Посмотрев вверх на ветви векового дерева, возжигатель копала увидел тех самых огромных птиц, которых считал посланниками богов. Диковинные совы по двое или по трое сидели, поглядывая вниз глазами-плошками. А чуть поодаль разместились гигантские летучие мыши. Теперь Истаккальцин не видел ничего необычного в их присутствии, наоборот, он полностью свыкся с их существованием и с тем, что те сопровождают путников практически с самого начала пути по Атекуаутлану. Не они ли повинны в смерти раба? «Сидите? Смотрите?» – прошептал негромко слугитель, глядя на причудливые создания. Похоже, никому в голову не приходило стрелять в них. Простые люди ведь не глупы, знают: не к чему тревожить столь необычных существ, никогда не ведаешь, чем обернётся вмешательство в дела великих. Лишь дети то и дело указывали родителям на чудищ, сидящих на ветках. Верховный жрец старался ни о чём не думать. Жертвователю просто ждал, когда поставят палатку Уэмака и он сможет растянуться на циновке, поесть кукурузных лепёшек с бобами и уснуть, более не заботясь ни о чём. Однако усталость начала брать верх, и Истаккальцин задремал, убаюканный шуршанием листьев над головой и мерным гомоном многоголосой толпы.

Кто-то тормозил его за плечо – Истаккальцин недовольно открыл глаза.

– Господин, господин, Несуальтеколочину плохо, – услышал он голос молодой женщины.

– Что с ним? – спросил верховный жрец, мигом вскочил на ноги, стряхивая с себя остатки дремоты.

– У него лихорадка, он бредит, – отвечала служанка.

– Веди меня к нему! – почти вскричал обеспокоенный мужчина.

Огонь жаровни освещал, а заодно и согревал палатку Истаккальцина. Несуальтеколотль в одной набедренной повязке лежал на циновке, не реагируя ни на звуки, ни на прикосновения.

⁴³ Василиск (Basiliscus) – род ящериц семейства коритофанид. Распространены от юга США до Южной Америки. У самцов на затылке треугольный гребень, поперечная складка на горле и кожистый гребень вдоль спины. Живут у воды, на деревьях и кустарниках. Основную пищу составляют насекомые. Способны бегать по поверхности воды, удерживаясь за счёт частых ударов перепончатых задних ног.

Паренёк периодически содрогался и негромко постанывал сквозь зубы. Лицо юноши исказилось в гримасе ужасной муки, будто ему приходилось изо всех сил сопротивляться чему-то или нести тяжёлый груз. На голове лежал свёрнутый в несколько слоёв кусок мокрой ткани для уменьшения жара. Главный жертвователь положил руку на грудь мальчика – он весь пылал, кожа сделалась сухой, сердчишко неистово колотилось, будто пыталось выпрыгнуть наружу. «Сильный, но худой, никаких резервов, – заключил Истаккальцин, глядя на поджарого молодого жреца. – Такие сопротивляются, словно загнанный ягуар, но сгорают быстро». Возжигатель копала осмотрелся: все его свёртки стояли здесь.

– Ты пока иди, – сказал он девушке. – Я тебя позову потом.

Та послушно вышла без лишних слов.

«Вот и пригодился, – подумал Истаккальцин и вынул чёрный корень иселеуа. – Держись, парень», – добавил он, бросив взгляд на Несауальтеколотля. Жрец налил в чашку воды и поставил её на жаровню. Нараспев он прочитал заговор, а потом бросил подарок травницы в кипяток и начал бормотать под нос другое заклинание. Вдруг юноша резко повернулся, и мокрая тряпочка упала со лба. Первосвященник взял её, намочил и попытался приложить снова. И тут вместо неясных стонов парень отчётливо произнёс: «Дай мне драгоценной влаги, и лихорадка пройдёт». Служитель культа вздрогнул от неожиданности и уставился на больного – тот продолжал лежать на боку, выгнув спину и мучаясь от сильного жара. Да, голос, безусловно, его, но всё же какой-то странный. Так Несауальтеколотль никогда не говорил. Нет, это точно сказал не он, а тот, кто вошёл в тело мальчика. И его жажду следовало немедленно утолить, а то существо погубит молодого жреца.

Пробежав взглядом разложенные на циновке лекарства и прочие целительские принадлежности, испуганный Истаккальцин нашёл шипы агавы. Он решительно оттянул мочку уха и привычным жестом проколол её насквозь острой колючкой. Алая кровь побежала из ранки и закапала на землю. Мужчина наклонился над юношей. Внезапно тот перестал биться, уверенно сел, схватил первосвященника за шею и начал пить драгоценную влагу. Верховный жрец старался не шевелиться, он замер, полностью доверившись судьбе, и отдался на милость неведомого существа. Когда кровотечение прекратилось, Несауальтеколотль разжал хватку и повалился на циновку. Жертвователь уставился на него в ожидании. Вскоре паренёк открыл глаза и приподнялся на локтях. Истаккальцин потрогал лоб, он оказался мокрым от проступившего пота. Лихорадка спадала, мальчишку начало трясти. Не в силах держаться, он снова лёг, а жрец накрыл его плащом и сел рядом, решив пока не задавать вопросов.

Через некоторое время Несауальтеколотль заговорил сам: – Я знаю, что случилось, на самом деле я видел всё. – Голос его дрожал. – Как только разбили лагерь, я снова увидел странного человека, высокого чужака в роскошных одеяниях. И, кроме меня, его присутствия опять никто не замечал. Он подошёл ко мне, а я застыл неподвижно и только глядел на него. Тело моё словно онемело, я не мог ему противиться, не мог даже позвать вас. «Будет плохо, – сказал мужчина. – Но, по крайней мере, ты не умрёшь». С этими словами тот господин направил на меня руку. Поток нестерпимого жара окатил моё тело, и я почувствовал, как подкашиваются ноги. Я медленно осел на землю, но не смог ничего сделать. Незнакомец склонился надо мной, а потом вдруг вошёл в меня. Я ощущал его внутри себя, а он не давал мне ничего сделать. Мне оставалось только трястись в лихорадке и беспомощно наблюдать за тем, что случилось потом. Меня подобрала, принесли в палатку, уложили на циновку, пытались влить в рот какое-то лекарство, но я не смог проглотить, затем положили на лоб мокрую полоску ткани, ну а потом пришли вы. Я не видел ничего, глаза были закрыты, но понимал и чувствовал всё происходящее вокруг. Тот господин сказал мне, что если вы сделаете всё, как он скажет, то он оставит меня. Тут по его воле я произнёс, что хочу драгоценной влаги, точнее, он хочет. И когда вы проткнули ухо, он заставил меня подняться, схватить вас и пить вашу кровь. Тогда я ощутил, как тот, кто находился во мне, наполняется силой, с каждой каплей он будто рос,

расширялся, я не знаю, как ещё объяснить. А когда кровь перестала течь, он оставил меня и исчез. Жар стал спадать и начался озноб.

Договорив, паренёк устремил полный боли и горечи взгляд больших тёмных глаз на Истаккальцина. Испуг, сожаление, отчаяние, мольба о помощи и прощении – столько чувств перемешалось в нём. В уголках глаз начали скапливаться прозрачные, словно горный хрусталь, слезинки. Пока юноша рассказывал, верховный служитель слушал и перебивал. Всё случилось так, как он и не предполагал. Желая приободрить мальчика, главный жертвователю потрепал его по волосам.

– Всё будет хорошо, – произнёс он лживую ничего не значащую фразу. – Он вернётся, – в полудрёме проговорил молодой жрец.

– Я знаю, – ответил Истаккальцин.

Вскоре жар совсем исчез. Обессиленный, Несауальтеколотль заснул. Истаккальцин велел принести ужин и попросил передать Уэмаку, что сегодня останется у себя. Верховный жрец не хотел оставлять юношу одного. Вдруг таинственный дух вернётся или мальчику станет хуже? Ночь прошла в тревожных раздумьях. Паренёк несколько раз вздрагивал и стонал, но так ни разу и не проснулся.

Глава 11. Голос бога

Новый день начинался хорошо, по крайней мере, без тревожных известий. Правда, один из жрецов заболел, и Истаккальцин остался с ним на ночь. Уэмак ещё не говорил с первосвященником, но, если бы случилось что-то серьёзное, ему непременно доложили бы. Разведчики не сообщали о встречах с тоуэйю, но видели следы их стоянок на островках. Скорее всего, там ночевали охотники или рыбаки, группы не более двух-трёх человек. Сквозь мохнатые кроны кипарисов проглядывало яркое солнце. Тени от их стволов, словно в полоску, разлиновали гладь мелководных озёр. Погода стояла тёплая, и вода прогрелась на удивление хорошо. В воздухе витало спокойствие. Казалось, весь лес наполнился тишиной и умиротворением. «Затишье перед бурей», – сказал себе молодой вождь и крепче стиснул рукоятку разящего макуауитля.

Несколько раз за день к царевичу подходили главы кланов и некоторые высокопоставленные аристократы. Поводы оказались, по большей части, пустяшные. Неужели проверяют на прочность? Выбирают время для удара? Наверняка они замыслили недоброе и ждут подходящего момента. Так думал Уэмак, косясь по сторонам в тревожном напряжении.

На ночлег остановились на большом острове, окружённом зарослями кувшинок с редкими бледно-жёлтыми цветами. Как обычно, по периметру лагеря расставили дозоры и развели костры. Истаккальцин снова передал, что останется с больным юношей. На темнеющем небе одна за другой показались первые звёзды. В сумерках на ветвях кипарисов начали собираться совы и нетопыри. Диковинные создания пристально разглядывали людей сверху. За несколько дней пути они стали привычными спутниками изгнанников, и их присутствие уже никого не удивляло.

Этот тёплый безветренный вечер Уэмак решил провести на свежем воздухе и сел у костра напротив палатки. Мяса уже не осталось. Приходилось довольствоваться варёной кукурузой с бобами, сдобренной изрядным количеством перца чили. За время блуждания по затопленному лесу сухие припасы успели отсыреть, от чего еда приобрела прикус затхлости. Почему-то сегодня шум лагеря не тяготил предводителя изгнанников. Бренчание посуды, досужие разговоры, детские игры, треск поленьев, звуки зернотёрок и стук топора слились в единый монотонный гам. Издалека доносились кваканье лягушек и пронзительные крики ночных птиц. Хотелось сбросить неудобный эуатль, но так лень встать и даже шевелиться. Словно замороженный волшебством ночи, Уэмак полностью расслабился и даже начал дремать. Отчего же так хорошо, когда на самом деле всё плохо?

Подошёл Косицтекатель, расставивший дозоры, и сел рядом. Словно голодный койот, молодой мужчина накинулся на пищу. Присутствие друга вывело Уэмака из благостно-сонного настроения. Кто-кто, а командир воинов-ягуаров заражал своей неиссякаемой энергией всех в его присутствии. Как всегда, весел, подвижен, рассудителен, будто и не прошёл наравне с остальными долгий, трудный путь по затопленному лесу. Царевича потянуло на откровенность, сейчас, когда обстановка вокруг такая умиротворяющая, пока гроза ещё не грянула и даже тучи будто бы не собираются, стоит поделиться тем, что завладело разумом и никак не хотело выходить из головы:

– Знаешь, Косицтекатель, с тех пор как мы пришли сюда, мне кажется, будто мы уже четвёртый раз переживаем один и тот же день. Ведь ничего не изменяется. Утром встаём, собираем пожитки, затем целый день идём, потом вечером находим остров и разбиваем лагерь. А завтра всё сначала. Да и вокруг ничего не изменяется – тот же лес, те же кипарисы, те же свисающие с ветвей пачтли, те же кувшинки, та же глубина. Порой мне кажется, мы ходим по одному и тому же месту, мы вне пространства, вне времени. Вот ты знаешь, какой сегодня день?

– Одиннадцать-кремень года десять-дом. Господин дня – Чальчиутотоллин⁴⁴. Тресена⁴⁵ – один-кролик, её господин – Шиутекутли⁴⁶. Госпожа ночи – Чальчиутликуэ⁴⁷, – отвечал Косицтекатель. – Но это у них. А мы же действительно живём вне времени. Что такое время? Время – это, когда каждый день в раз и навсегда установленной последовательности боги сменяют друг друга. А какое у нас может быть время, если боги для нас не действуют? Нет, Уэмак, время, оно для них: для тех, кто остался в Ойаменауаке. А для нас время не течёт, его нет для тех, кто живёт без богов. И весь лес вокруг нас – чудовищная ловушка для тех, кто потерялся вне времени.

Воин-ягуар не успел договорить фразу, внезапно нетопыри и совы на ветвях начали кричать и бить крыльями. Таинственные спутники изгнанников устроили ужасный переполох в кронах деревьев, шум стоял невообразимый. Все взгляды обратились вверх, некоторые повскакали с мест, начали кричать и показывать пальцами. Неожиданно часть крылатых созданий сорвалась с веток и полетела к лесу. За ними последовала ещё одна группа, а потом и оставшиеся звери и птицы покинули лагерь людей. В считанные мгновения ветви болотных кипарисов опустели. Люди примолкли, гадая, что заставило их столь поспешно сняться с места.

И вдруг Уэмак услышал изумлённые возгласы вдалеке. Он повернулся на звук и увидел, как столб серебристого света движется по направлению к нему с противоположного конца острова. Люди расступились – показался юноша. Он быстро шёл прямо к царевичу. Это был Несуальтеколотль. Холодные белые лучи окружали всю его хрупкую фигурку, кожа блестела, словно отполированный обсидиан. Высокий головной убор, спинная розетка из перьев и браслеты на руках и ногах, а также резной посох в руках были словно сотканы из лунного сияния. Они казались прозрачными и светились во мраке ночи. Сам молодой жрец производил впечатление неземного создания, напоминавшего, скорее снизошедшего с неба бога, чем смертного человека. Его лицо, словно каменная маска, застыло в спокойном, горделивом выражении. Взгляд остекленевших глаз устремился куда-то вдаль, сквозь толпу и стволы деревьев.

Несуальтеколотль остановился в нескольких шагах от молодого вождя – тот уже вскочил на ноги. Юноша воткнул конец посоха в песок, и от мощного удара земная твердь содрогнулась.

– Уэмак, – произнёс он твёрдым, величественным голосом. – Собирайся. Пришло время сокрушить врагов. Защити свой народ. Веди воинов в бой. Сегодня я дарю тебе победу.

Опешивший царевич пытался ответить, но, похоже, губы его не слушались.

– Смотри! – опередил его Несуальтеколотль, вернее, тот, кто вновь управлял его телом. Он резким движением вскинул посох вперёд. Поток серебряного света прорезал тьму. Лучи проникали сквозь стволы кипарисов, через всё, что стояло на пути. Молодой вождь взглянул туда и увидел несколько десятков лодок, плывущих по направлению к лагерю. В каждой по одному-два воина тоуэйю, а над ними высоко в тёмном ночном небе кружили стаи гигантских нетопырей и сов. Внезапно, как по команде, все они обрушились на дикарей и начали терзать их острыми клювами, клыками и когтями. «Вперёд, Уэмак, вперёд к победе, покажи мне, силу твоего народа!» – вскричал Несуальтеколотль, и сотканные из лунного света перья всколыхнулись и разлетелись во все стороны. Сияние померкло, неземные одежды пропали, ноги паренька подкосились, и он медленно осел на землю.

⁴⁴ Чальчиутотоллин (драгоценная птица) – в мифологии науа бог-индюк, связанный с принесением жертвенной крови и дождём, возможно, одна из форм Тескатлипоки. В данном календаре каждое число имеет свой символ (один из четырех: дом, кролик, тростник или кремень) и бога-покровителя. Называя число, следует называть и символ, так как символ непостоянен. Если меняется символ, меняется и бог-покровитель. Чальчиутотоллин – покровитель числа с символом кремень.

⁴⁵ Тресена – период из тринадцати дней в календаре индейцев Мезоамерики.

⁴⁶ Шиутекутли (владыка бирюзы) – бог огня в мифологии индейцев Мезоамерики. Является покровителем тресены 1-кролик.

⁴⁷ Чальчиутликуэ (юбка из нефрита) – богиня воды в мифологии индейцев науа. Шестая из владык ночи.

Поражённые чудесным видением, люди в изумлении застыли на месте. Внезапно сквозь толпу прорвался человек и бросился к упавшему юноше. Истаккальцин. Жрец поднял голову паренька и прощупал его пульс. «Живой!» – радостно закричал он. Но никто его уже не слушал. Опомнившиеся люди разом пришли в движение. Уэмак и Косицтекатель собирали воинов. Мужчины спешили надеть хлопковые доспехи. Бойцы вооружались копьями, атлатлями с дротиками и макуауитлями, брали в руки цветные щиты. Предстояли битва и обещанная победа.

Несмотря на быстрые сборы, Уэмак приделал к шлему роскошный плюмаж и взял барабан. Косицтекатель закрепил на спине три кецальпамитля, знамени с драгоценными перьями. Воины били оружием о щиты и кричали. Они выстроились в боевой порядок и при свете факелов двинулись вперёд туда, куда указал Несауальтеколотль. Внезапно послышались возгласы удивления. «Смотрите-смотрите!» – кричали со всех сторон. Уэмак поднял голову и увидел, как по воздуху над войском летят два скелета в богатых одеяниях. Справа следовал описанный днём ранее скелет Малиналли, слева – костяк, сплошь покрытый липкой спёкшейся кровью, скелет Этли⁴⁸. Именно его видел позапрошлой ночью Несауальтеколотль. Божественные вестники держали какие-то большие плоские круглые предметы. Вдруг у каждого из них в руке появился яркий светящийся шар. Таинственное сияние отражалось от огромных дисков. Теперь стало понятно – то были гигантские обсидиановые зеркала, и их направили в сторону идущего среди зарослей кувшинок отряда Уэмака. Факелы оказались совсем не нужны.

Пройдя около ста шагов, воины узрели удивительную картину. Лодки противника в полном беспорядке, некоторые и вовсе плавали вверх дном. Большинство дикарей сброшено в воду. Сверху их терзали нападавшие отовсюду совы и нетопыри. Ужасные твари впивались когтями в плоть, клевали головы, прокусывали клыками кожу. Тоуэйо не носили ни доспехов, ни даже одежды. Лишь на некоторых виднелись наброшенные на плечи шкуры или розетки из перьев, обозначающие высокий статус. На приближение отряда изгнанников они отреагировали лишь одиночными выстрелами. Ни один не попал в цель.

Уэмак приказал дать залп. На тоуэйо посыпался град дротиков из атлатлей и булыжников из пращей. В тот же миг крылатые создания, как по волшебству, исчезли. Множество варваров упало замертво. В ответ посыпались стрелы. Но, как и в прошлый раз, их древки переломились в воздухе. Когда молодой вождь увидел, как кое-кто из врагов пытается запрыгнуть в каное и спастись бегством, он начал стучать в барабан. Лес огласился громогласным кличем воинов, бойцы бросились в атаку. Казалось, ни вода, ни вязкий ил, ни заросли кувшинок не мешают предвкушавшим победу мужчинам стремглав нестись в бой. Уэмак взял копьё, выставил вперёд щит и побежал за ними. Словно вихрь, он налетел на первого врага и насквозь проткнул его. Оружие плотно засело в теле – не беда, подберёт потом. Царевич выхватил макуауитль и последовал дальше. Новый противник пытался чем-то заслониться – поздно, мощный удар расколол дерево и проломил грудь. Затем пошла настоящая рубка. «Пленных не брать, убейте их всех!» – кричал скелет Малиналли. «Напоите нас их кровью!» – вторил ему Этли. Шедшие сзади обезумевшие воины перерезали горло каждому раненому или неспособному защищаться противнику. У них не было ни пирамид, ни храмов для кровавого обряда. А потому жертвоприношение совершалось прямо здесь, на месте сражения. Тонкие извивающиеся потоки крови потянулись по воздуху вверх ко ртам правивших в воздухе божественных вестников. А живые костяки с удовольствием раскрывали ужасные пасти, откуда вместо языков высывались кремневые ножи⁴⁹.

Побоище завершилось быстро. Мало кто из тоуэйо смог бежать. Всех, кто ещё подавал признаки жизни, прикончили прямо тут, на месте. Допрашивать их не имело смысла. Никто не

⁴⁸ Кровавый скелет изображён в кодексе Борджиа на 76-й странице.

⁴⁹ Кремневый нож вместо языка на изображениях ацтекских богов считался символом неутолимой жажды жертвенной крови.

знал грубого языка жителей Атекуаутлана. Из воинов Уэмака не погиб никто. Лишь несколько лёгких ранений – вот цена той скорой победы.

Под радостные возгласы толпы войско вернулось в лагерь. Уэмак принимал поздравления со всех сторон. Впервые за последние дни предводитель изгнанников видел ликование людей, тех, кто доверил ему свои жизни. Наконец-то скитальцы поняли, новый правитель оправдал их ожидания. Победа серьёзно укрепила положение молодого вождя. Какую бы подлость ни замыслили хитрые аристократы, народ теперь на его стороне.

Как только первый наплыв желающих разделить радость победы схлынул, к Уэмаку подошёл Истаккальцин. Друзья прошли в палатку правителя и опустились на циновки. Жрец произнёс подходящие случаю слова, а затем сообщил важную новость. Пока длилось сражение, Несауальтеколотль произнёс новое пророчество: «Грядёт ещё одна битва. Завтра на каноэ приплывёт гораздо больше воинов. Вам следует взять немного к югу, дойти до первого большого острова, но не дальше, и там закрепиться. Всем знатным воинам нужно облачиться в доспехи. Всех мужчин, способных держать в руках оружие, необходимо отправить в бой. Враги нападут со всех сторон. Они придут из нескольких деревень и ударят одновременно. Нам следует занять круговую оборону. Наступление ожидается в сумерках».

– Я так и знал. Это вовсе не конец, – покачав головой, произнёс раздосадованный Уэмак. – Ты узнал, кто с нами говорит его устами?

– Нет, парень и сам не знает, – опустив глаза, ответил жертвователю. – Должно быть, таинственный бог предпочитает скрывать своё истинное лицо.

– Но он за нас, и это хорошо, – ободряюще заметил царевич, не желавший думать от возбуждения.

– А я уже ничему не верю, – со вздохом сказал Истаккальцин. – Вдруг нас заманивают в ловушку или вовлекают в часть какой-то сложной игры?

– А есть ли у нас выбор? – обречённо произнёс Уэмак и устало уронил голову на грудь. – По крайней мере, сегодня они нам помогли. И нет оснований не доверять им и завтра.

Глава 12. Господин ужаса

Уэмак уже не помнил, как снял мокрые от крови доспехи, вымылся и лёг спать. Он буквально провалился в черноту и не видел никаких снов. Утром, когда собирались в путь, молодой вождь лично отправился к Несуальтеколотлю поговорить о таинственном божестве. Паренёк за одну ночь сделался героем. Многие тогда хотели повидать его и спросить о природе столь эффектного преобразования, но жрецы по приказу Истаккальцина встали на защиту палатки и никого не пустили внутрь. С правителем ему всё же пришлось встретиться, хоть этому и противился первосвященник. Однако разговор ничего нового не принёс. Юноша снова сказал, что не знает имени того существа. По словам мальчика, создание, которое использует его тело, не отвечает на вопросы и вообще ничего не рассказывает о себе. А детали облика божества всегда выпадают из памяти, как только оно уходит. Несуальтеколотль явно боялся, и визит высокого гостя совершенно не пошёл парню на пользу.

Ночью умер больной в лихорадке. Остальные пока держатся. Всем раненым во вчерашнем бою сделали перевязки и оказали помощь. У одной женщины украли нефритовые бусы, или сама потеряла. Но сейчас нет времени разбираться. Если вещица всплывёт, после стоит провести расследование. О новом пророчестве рассказали только командирам отрядов, дабы не пугать обывателей прежде времени, ведь до острова нужно ещё дойти.

Колонна двигалась хорошо. Словно муравьи, огибающие травинки, потоки людей обходили стволы высоких деревьев. Муть поднималась в воде от сотен шагающих ног. Одежда не просыхала. Стирать её толку не было, всё равно запачкается от ила или налипших водных растений. Однообразный пейзаж уже не радовал глаз. Но ощущение, будто кто-то неустанно следит за странниками, сохранялось. Неужели тоуэйо, притаившиеся в чаще или на ветвях кипарисов, а быть может, слуги таинственного неизвестного бога, ни с того ни с сего решившего помогать изгнанникам? В сердце Уэмака снова поселилась тревога. И чем дальше странники шли, тем сильнее становилось беспокойство.

К полудню вернулись разведчики и сообщили о том, где находится обещанный остров. Никаких дикарей или их следов они не обнаружили. Путники немного изменили курс, и через некоторое время люди уже выходили на поросший хвощами берег. Уэмак приказал сосредоточиться всем в центре и не растягиваться. Воинам надлежало немедленно надеть доспехи, вооружиться и прибыть в распоряжение командиров. Лучшие из лучших доставали яркие костюмы животных: орлов, ягуаров койотов, закрепляли на спинах красочные знамёна и эмблемы, украшали шлемы великолепными плюмажами из драгоценных перьев.

Ко времени сумерек все уже стояли наготове. Удалось даже сделать небольшие укрепления из поваленных стволов. На деревьях появились старые знакомые – летучие мыши и совы. Быстро темнело. Напряжение нарастало. Весь остров замер в безмолвном ожидании. Тогда благородный Косицтекатель встал перед рядами воинов и во весь голос произнёс строки старой поэмы: «Нет ничего подобного смерти на войне. Нет ничего подобного цветочной смерти, столь драгоценной для него, Дарителя Жизни. Я вижу её в дали. Моё сердце жаждет её». Гул одобрения пронёсся над лагерем в ответ.

Вдруг яркая вспышка озарила лагерь. На прогалине показался скелет Малиналли в тусклом голубоватом сиянии. Он шёл по поверхности воды, не касаясь её своими когтистыми лапами. Уэмак и воины один за другим склонились в почтительном приветствии. «Готовься, молодой вождь», – произнёс вестник таинственного бога. С этими словами он взмахнул посохом, развернулся и описал в воздухе широкую дугу. Вновь вся тьма и препятствия будто бы рассеялись, и стало видно далеко вперёд. Встревоженный царевич заметил множество тоуэйо. Сотни лодок направлялись к острову. Должно быть, дикари хорошо видели в темноте или на них лежали какие-то чары. Ни одного светильника, ни факела не горело, дабы не выдать

приближение нападавших. Бесшумно каноэ скользили между стволов кипарисов. Противник стремительно приближался. Вскоре их удалось хорошо рассмотреть. Абсолютно голые, даже без набедренных повязок, они покрывали тела грубыми, на первый взгляд бессмысленными рисунками. Волосы большинства заплетены в косички или перехвачены верёвками. У некоторых в пробитые носовые перегородки вставлены тонкие птичьи кости. Немногие имели украшения из перьев и ожерелья из зубов крокодилов.

– Пращи и атлатли к бою! – крикнул Уэмак и сам поднял заряженную копьеметалку.

– Подпустим их поближе, – ухмыльнулся Косицтекатель.

– Атакуем с пятидесяти шагов, – подтвердил царевич.

Тоуэйю, считавшие, будто их не видят, тоже решили максимально сократить расстояние. Защитники острова наблюдали, как дикари прицеливаются и натягивают тетивы луков.

Залп дали почти одновременно – многие из нападавших попадали с лодок. Их стрелы вновь не достигли цели. В тот же миг с деревьев с криком сорвались крылатые монстры. Сегодня их было меньше, чем вчера, видимо, многие из них пожертвовали свои жизни ради победы людей. Новый залп. На сей раз тоуэйю целились как раз в птиц и нетопырей. Пронзённые насквозь, они с плеском падали в воду. Тем временем противники сближались. Выкрикивая боевой клич, тоуэйю попрыгали с каноэ и ринулись на защитников острова. Воины Уэмака сомкнули щиты и выставили вперёд боевые копья. Дикари сражались отважно, словно самоубийцы, они напарывались на разящие наконечники. К тому же враг, несомненно, превосходил числом.

Ударом тяжёлой дубинки воин тоуэйю сломал копье Уэмака. Вождь отступил на шаг, пытаясь выхватить макуауитль. Тут же обидчик получил сбоку удар между рёбер от Косицтекателя. Следующий за ним попытался со всей силы рубануть по щиту царевича, но по инерции повалился вперёд. Боец из первой линии раздробил ему позвоночник, а затем и вогнал кремневый наконечник в спину. Но вот храбрец слева упал. Уэмак не дал добить парня. Кто-то из стоявших за спиной оттащил его назад. Хоть изгнанники и превосходили врага и в умении, и в экипировке, всё же они несли потери. Медленно, буквально шаг за шагом приходилось отступать. А из чёрной глубины леса подходили всё новые и новые каноэ. Казалось, нападавшим вовсе нет числа.

Уэмак понимал: дух воинов вот-вот дрогнет, тогда поражение будет вопросом времени. Они окружены. Вырваться невозможно. При первой же попытке всех перебьют. Молодой вождь взглянул на макуауитль – все обсидиановые лезвия уже выпали. Нужно менять оружие. Благородный Косицтекатель тоже потерял копье в битве. Царевич отошёл назад и выставил на своё место воина из заднего ряда. Он посмотрел на северную оконечность острова. Казалось, там дела обстояли хуже всего. Все опытные воины или убиты, или ранены. Оборону по большей части держали жрецы и неопытные новобранцы. Среди сражающихся выделялась фигура, одетая в костюм тлауистли в цветах звёздного неба и высоком остроконечном шлеме. «Истакальцин ещё стоит», – подумал Уэмак.

Вдруг рядом с верховным жертвователем полыхнула вспышка. Молодой воин в одном стёганом доспехе без рукавов покинул ряды сражающихся. Да это же Несуальтеколотль. Он бросил щит и макуауитль на землю, и тут серебристо-голубое сияние покрыло всё его тело. Он подпрыгнул, выгнул спину и откинул назад руки. Из рта, носа и глаз юноши вырвались белые языки пламени. Уэмак, как замороженный, следил за чудесным преображением. На голове парня тем временем появился роскошный головной убор, а за спиной, словно крылья бабочки, распахнулась огромная розетка из перьев. Всё это казалось полупрозрачным, эфирным и исходило слабое холодное сияние. В руках жреца появился богато украшенный атлатль. Далеко вокруг стало светло, почти как днём.

Несуальтеколотль оторвался от земли и остался висеть в воздухе. Исторгая изо рта языки белого пламени, он громко произнёс: «Я вижу, сегодня кто-то захотел принести мне свою

кровь. Что ж, похвальное желание. Давайте, я вам немного помогу». Он воспарил ещё выше и начал быстро вращаться, словно вихрь. Внезапно преображённый юноша резко остановился и раскинул руки – волна сгущённого воздуха разошлась от него кругом во все стороны. Изгнанников она лишь заставила пригнуться к земле, тоуэйю же отбросила далеко назад. Одни попадали в воду, другие – со всей силы врезались в стволы деревьев.

Вместо того чтобы наступать, поражённые защитники острова замерли на своих местах, глядя на зависшее в ночном небе существо. Светящаяся фигура походила на огромную птицу или бабочку. А Насауальтеколотль охватил руками плечи, а затем резким движением выбросил их в стороны и одновременно начал закручиваться в неистовом танце. Он начал метать атлатлем во все стороны длинные обсидиановые лезвия, охваченные огнём. Со свистом они рассекали воздух, разили нападавших, прорезали плоть, оставляли ужасные раны, а затем исчезали.

Бог остановился и оглядел глазами человека содеянное. Изгнанникам показалось, будто он удовлетворённо улыбнулся. «А теперь вперёд, воины, убейте их всех! Не оставляйте никого! Напоите меня драгоценной влагой!» – вскричал он, и голос его, будто гром, заставил трепетать ветви самых высоких кипарисов.

Словно очнувшись, защитники острова бросились добивать поверженных врагов. Уэмак, сменив макуауитль, было двинулся за ними, но раздавшийся внутри него голос, остановил мужчину. «Подойди ко мне, правитель, – прозвучало в голове. – Склонись передо мной». Предводитель изгнанников неуверенными шагами направился к парившей над лагерем светящейся фигуре. Тонкие струи крови, извиваясь в воздухе, летели из тел умирающих дикарей в раскрытый рот существа. Качающиеся перья за спиной подчёркивали сходство с хищной птицей, нависшей над жертвой.

Молодой вождь приблизился на пять шагов, почтительно поклонился и опустился на колени. Неподальёку то же самое сделал и Истаккальцин. Видимо, и он услышал зов таинственного бога.

«Как видишь, я с самого начала путешествия слежу за вами и уже несколько раз спасал вас от неминуемой гибели, – понеслось в голове. Должно быть, существо, завладевшее телом Несауальтеколотля, решило более не говорить вслух. – Ты же знаешь, в мире ничего не происходит просто так. У меня есть для вас предложение, и, как мне кажется, вам не стоит от него отказываться, иначе моя помощь закончится. – Он сделал многозначительную паузу, а затем продолжил: – Скоро мне предстоит покинуть мир людей. Если ты хочешь выслушать мои условия, правитель, отправь своего верховного жреца ко мне, и я всё расскажу ему». – божество замолчало, продолжая принимать кровь. «Но как он найдёт вас?» – мысленно спросил Уэмак. «Стоит только ему выйти за пределы лагеря, мои слуги встретят его и проводят куда нужно», – отвечал таинственный собеседник.

Более создание, вселившееся в Насауальтеколотля, ничего не произнесло. Насытившись кровью врагов, неведомая сила вернула юношу на землю. Эфирные перья, украшения и чудесный атлатль исчезли. У парнишки подкосились ноги, и он рухнул на траву.

– Ты слышал? – спросил Уэмак у Истаккальцина.

– Да, конечно, он говорил и со мной тоже.

– Ты пойдёшь?

– Да, мне нужно идти, – покачав головой, отвечал жрец.

– Тебе ещё кого-то дать?

– Нет, я пойду один. Он же ясно дал понять.

– Тебе не страшно? – почему-то вырвалось у царевича.

– Нет, страшно оставаться без бога. Но сейчас, когда мы можем обрести нового покровителя, место страху должна уступить надежда, – первосвященник старался говорить спокойно, но в каждом слове чувствовались напряжение и дрожь.

– Тогда иди, – с тревогой произнёс Уэмак.

Глава 13. Пребывающий во мраке

Отправляясь к богу, Истаккальцин решил облачиться в самый прекрасный и торжественный наряд. Именно для этого момента он взял его с собой из храма Тескатлипоки. Верховный жрец снял забрызганный кровью тлауистли. Он надел тяжёлый пояс, покрытый пластинками жадеита и расшитый морскими раковинами. На голову ему возложили прекрасный убор в виде бабочки с плюмажем из сотни перьев кецаля, на кончике каждого из которых было закреплено ещё одно, маленькое с груди рубиногорлого колибри. В волосы первосвященник воткнул заострённую кость птицы и колючку агавы – инструменты для кровопускания. Вокруг шеи обвязали нефритовое ожерелье, а поверх него надели ещё и три нитки бус того же материала и бирюзовую пектораль в виде свернувшейся змеи с качающимся языком из красного коралла. На спине закрепили большую розетку из перьев кецаля, а также алого и синего макао, отделанную шариками из меха. Ко всему этому полагались красные кожаные сандалии с бахромками на завязках и золотыми колокольчиками и браслеты на запястья и голени из нефрита и бирюзы с пучками драгоценных перьев. Резной церемониальный посох служители культа украсили изящными складками бумаги аматль⁵⁰.

Одетый, словно на праздник, Истаккальцин на рассвете покинул лагерь. Он шагал по узкой песчаной косе. Грунт под ногами постоянно осыпался, будто нарочно желая повалить мужчину в воду. Но мочить и пачкать изысканное облачение очень не хотелось. Последствия тяжёлого боя и бессонной ночи не ощущались, видимо, возбуждение от нетерпеливого ожидания предстоящей встречи перекрыло все остальные чувства и заставило организм собрать в кулак все оставшиеся силы. Сердце часто билось в предвкушении свидания с богом, как и где оно состоится, совсем не важно. Вот уже лагерь скрылся из вида, а его шум более не доносился до ушей молодого первосвященника. Багровая заря пылала в вышине над кипарисами, и обезьяны, невидимые в кронах, устроили шумный концерт, встречая наступление нового дня. Сонная игуана на самом краю толстой ветки подставляла холодные чешуйчатые бока первым лучам восходящего солнца. Служитель культа посмотрел вверх, туда, где сквозь чёрные силуэты спускающихся, словно сталактиты, острых прядей пачтли виднелось пламенеющее небо.

Мужчина повернул голову назад и заметил двух вестников таинственного божества. Он уже не удивился и не испугался, увидев прямо перед собой оживших скелетов. «Приветствую верных служителей великого бога», – сказал возжигатель копала и почтительно поклонился. «Нам нужно открыть путь к повелителю. Дай нам каплю драгоценной влаги», – отвечали костлявые монстры. Истаккальцин выткнул колючку агавы из пучка волос и проколол мочку уха. Первая капля крови оторвалась от кожи и медленно полетела в воздухе. Малиналли и Этли выставили когтистые лапы ладонями вперёд, творя заклинание, а жрец с любопытством наблюдал за их действиями. Как только красный шарик поравнялся с ними, он вспыхнул и исчез, а на месте него во все стороны начала распространяться блестящая волнующаяся, словно вода, поверхность. Скелеты аккуратно и медленно растягивали её. Главный жертвователю догадался: так рвётся ткань бытия, и ему вот-вот предстоит проникнуть через формирующуюся расщелину в мир богов – невероятная честь для простого смертного.

«Всё готово, проходи. Господин ждёт», – сказали скелеты и встали по краям открытого портала. Истаккальцин подошёл ближе, но малодушно остановился. Мужчина осторожно протянул руку вперёд, и она вошла в сверкающую гладь. Ничего не произошло. Он поглядел на безмолвных вестников, но какое может быть выражение у черепов, лишённых плоти? Собрать-

⁵⁰ Аматль – бумага, изготавливаемая из волокон фикусов *Ficus coinifolia* и *Ficus radifolia*, которые науа называли «амакау-итль». Несколько слоёв волокон сбивали, покрывали смолой растения амацаутли, а затем покрывали смесью гипса, крахмала и мела. Бумага шла на изготовление книг, карт, ритуальных знамён, полосок для нанесения жертвенной крови, украшений статуй богов и костюмов их имперсонаторов.

шись с духом, человек переступил порог бытия и полностью скрылся за мерцающей стеной, которая стремительно сжалась и исчезла за ним.

Тишина и тьма вокруг. Первое время Истаккальцин не увидел ничего. Он стоял среди полной черноты и боялся даже пошевелиться, не то что сделать шаг вперёд. Мрак окутывал со всех сторон. А вскоре к чувству неизвестности добавилось ещё одно ощущение – стужа. Молодому жрецу не только стало холодно в пышном, но совсем не тёплом одеянии, ему казалось, будто кто-то намеренно вытягивает тепло из его худого, ничем не защищённого тела.

Но вдруг наверх посоха зажглось слабым синеватым огнём. Оказалось, возжигатель копала стоит в тёмном помещении с каменными стенами, возможно, пещере. Прямо перед ним виднелась лестница вниз, в черноту – слабый свет не позволял разглядеть ничего дальше десятой ступеньки. Истаккальцин начал спускаться. Внезапно он поскользнулся и упал. К счастью, удар удалось смягчить, ухватившись за стену, и не расшибиться. Мужчина внимательно рассмотрел грубо обработанную каменную поверхность – её покрывал лёд во многих местах, причём кое-где он начинал таять. Было холодно, сыро и скользко.

Аккуратно переставляя ноги, кое-где держась за стены и опираясь на посох, Истаккальцин продолжил путь в черноту и неизвестность. Странно, но царящий здесь холод никак не ограничивал его движения. Да, мужчина ощущал стужу, но она не вызывала ни боли, ни дрожи в теле, ни скованности в суставах. Всё ниже, ниже и ниже по холодной лестнице. Молодой жрец потерял счёт времени. Где он вообще находится? Почему-то столь очевидная мысль пришла в голову только сейчас. Кодексы учили: места пребывания богов – высота небес и глубины преисподней. Ни звёзд, ни планет, ни облаков здесь не наблюдалось. Происходящее больше напоминало путешествие в подземный мир. Неужели он приглашён к одному из владык Миктлана⁵¹? «Жив ли я вообще? – подумал жертвователю. – Только мёртвые могут пройти через врата обители лишённых плоти. Никто из живых не входил сюда и уж тем более не возвращался. Неужели я сам принёс себя в жертву, даже не будучи убитым?» Ответы ждут впереди. Не всё ли равно теперь, если сделанного не воротить? «Что толку, – думал Истаккальцин, – если я уже умер? Вот если сейчас мне явится кто-то и скажет об этом, сообщит, что пути назад не будет, разве я перестану спускаться? Разве откажусь от предстоящей встречи с богом? Конечно, жалко погибать молодым, грустно оставлять мир красивым и сильным, когда ещё так много можно совершить. Но если смерть позволит моему народу вновь обрести связь с богами, то я готов отдать жизнь в обмен на силу и процветание людей, которым предстоит жить во веки веков».

Сколько прошло времени, Истаккальцин не знал, но спуск, казавшийся бесконечным, всё же подошёл к завершению. Впереди открывалась обширная пещера, в которую без труда могла бы поместиться целая деревня. Её стены и потолок терялись во мраке, тусклый свет посоха не доходил так далеко. Два ряда больших жаровен горели холодным синим пламенем по сторонам от дороги. Служитель культа зашагал увереннее по ровной поверхности. Он уже почувствовал, за ним наблюдают, его внимательно изучают как снаружи, так и изнутри. Таинственное существо проникло в его мысли, словно книгу, оно читает воспоминания, проверяет накопленные знания, оценивает суждения и принципы. И молодой жрец расправил плечи, выпрямил спину, вытянулся весь и пошёл красиво и величественно, как когда-то он шествовал во главе праздничной процессии к храму Тескатлипоки. Драгоценные перья колыхались при ходьбе, половинки спинной розетки раскрывались и сходились вновь, словно крылья небывалой бабочки, язычок змеи на бирюзовой пекторали качался взад и вперёд, отполированные пластинки нефрита поблёскивали в тусклом свете, складки бумаги аматль на посохе тихонько шелестели, а золотые колокольчики на ногах мелодично позвякивали в такт шагам.

⁵¹ Миктлан – у народов науа преисподняя, место, куда отправляются души умерших естественной смертью людей.

И тут на смену тревоге и сомнениям пришло новое чувство. Кто как не он, Истаккальцин, подходит на роль служителя нового бога? Где найти более достойного жреца? Первосвященник не видел ещё никого, равного себе. Все, с кем ему довелось общаться, значительно уступали ему в образованности, гибкости ума, красноречии, умении вызывать и трактовать видения, навыках работы с кодексами, умении передавать свои знания ученикам. Он молодой, красивый, сильный, на нём прекраснейшее одеяние, каких более не сыскать ни в одном из соседних государств. И самое главное, он всем сердцем желает служить великому богу, даровавшему им победы над врагом, сохранившему странников в неприветливом затопленном лесу и оказавшему такую честь смертному пригласить его в свою обитель. Как же давно Истаккальцин не испытывал радости! Когда последний раз сердце жертвователя наполнялось истинным счастьем и благоговейным трепетом?

Впереди показалось массивное сооружение. В свете окружавших его огней проступало всё больше и больше деталей. Из тьмы выростал трон, каменный трон размером с небольшую пирамиду. Ранее он, наверное, сверкал самоцветами и золотом, но теперь пелена времени заставила потускнеть играющие краски. На престоле сидел мужчина ростом во много раз выше обычного человека. Поджарое мускулистое тело отличалось идеальными пропорциями и казалось молодым. Голову закрывала громоздкая маска летучей мыши. Угловатая линия подбородка, волевой нос, хорошо очерченные скулы выдавали эмоциональную, сильную натуру. Глаза оказались скрыты, но было видно, как они горели белым огнём. Однако, несмотря на прекрасное телосложение и рельефные мышцы, в облике бога угадывалась какая-то болезненность, будто могучего воина терзал некий тяжёлый недуг. Он неестественно склонился вперёд, вцепившись пальцами в края резного трона. Плечи вывернуты почти горизонтально, локти напряжены, руки еле удерживают тяжесть нависшей грудной клетки. Шея выгнута вперёд и вверх, как у грифа, голова держалась ценой колоссальных усилий.

Облачение бога казалось ветхим. Перья плюмажа, украшавшего маску, были сломаны, словно потрёпанные ветром листья тростника. Некогда отполированные нефритовые пластинки ожерелья давно утратили блеск. Краски огромного полотнища в виде крыльев летучей мыши, прикрепленного к рукам, выцвели. Золотые браслеты и колокольчики на голенях и запястьях потускнели. Украшения из бумаги аматль потеряли форму, склеились и обвисли.

Нет, не такую картину готовился увидеть Истаккальцин. Сила и страдание, роскошь и запустение, величие и упадок сочетались в представшем его глазам зрелище. Оторопь взяла верховного жреца, в растерянности служитель даже замедлил ход, но тут же собрался, и продолжил идти, стараясь не выдавать охватившее его смятение. Подойдя к престолу на десять шагов, первосвященник простёрся ниц перед безмолвным недвижимым, словно изваяние, божеством. Стараясь, чтобы голос не дрогнул, главный жертвователь громко и отчётливо произнёс: «Приветствую тебя, о великий бог, ведущий других, учитель истины, ободряющий сердца, изливающий свой свет на мир». Затем Истаккальцин поднял голову, тревожно ожидая ответа.

«Приветствую тебя, смертный, – наконец прозвучал голос сидящего на каменном престоле, в нём явственно ощущались надрывные нотки, будто богу приходилось делать усилия каждый раз, когда он произносил слова. – Вижу, ты удивлён. Молчи, не говори ничего. Твоя душа открыта передо мной, все твои мысли известны мне даже до того, как они придут тебе в голову. Называй меня Тлакацинакантли⁵². Я – хранитель врат, ведущих в Миктлан. Тебя удивляет то состояние, в котором я пребываю. Да, ты не ошибся. Я действительно крайне истощён, истощён до такой степени, что мне тяжело покинуть эту каменную глыбу. Защищая вас,

⁵² Тлакацинакантли (человек – летучая мышь) – бог, редко появляющийся на страницах кодексов и отсутствующий в мифологических текстах из Центральной Мексики. Наиболее известны два изображения – из Ватиканского кодекса (В) и из Кодекса Фейервари-Майер. Именно потому, что о нём мало известно, я и взял его для своей повести, чтобы не задействовать крупные популярные фигуры, о которых и так многое известно.

я истратил последние силы и вряд ли смогу в скором времени самостоятельно подняться. Ты хочешь сказать, я выпил много крови тоуэйю. Да, но она имеет слишком малую цену. Кровь дикарей, принесённая не по правилам, вне храма, без должных обрядов, не даёт насыщения, а лишь обостряет терзающий голод. Дай мне своей драгоценной влаги, смертный, и я продолжу говорить с тобой».

В тот же миг перед Истаккальцином появилась чаша из цельного куска нефрита. Переплетённые змеи и многоножки, совы и летучие мыши, потоки огня и воды украшали её тускло блестящую поверхность. Вновь жрец взял колючку агавы. Стискивая зубы от боли, он проткнул обе мочки ушей, сделал несколько проколов на груди, руках и ногах. Жертвователю аккуратно собрал кровь в чашу. Как же мало! Вся она размазалась по стенкам.

«Достаточно, – молвил Тлакацинакантли. – Конечно, она не восстановит мои силы, но я вижу, ты готов служить мне, и это – главное». Стоило владыке подземелья закончить фразу, как капли драгоценной влаги сорвались с краёв чаши и по воздуху полетели в рот ненасытного божества.

«Ты хочешь узнать, почему я настолько ослаб, – продолжал бог. – Знаешь, я ведь не всегда был таким. Давно, больше, чем два раза по четыреста лет назад, я был молодым и сильным, моему могуществу не было предела, а мой убор блистал нефритом и перьями кецаля. Тогда у меня был свой народ, приносивший мне драгоценную влагу и человеческие сердца, строивший ради меня храмы на высоких пирамидах, жертвовавший мне зверей, напитки и еду. Правители облачали мои статуи в лучшие одежды, а жрецы денно и ночью курили копал перед моими изваяниями. Ежедневно тысячи рук простирались в молитвах ко мне, сотни сердец трепетали при мысли о моей благосклонности. Но пришла беда. Я не смог защитить свой народ. Линия правителей прервалась, люди покинули города и смешались с чужеземцами. Некому было жертвовать драгоценную влагу и бросать копал в священные курильницы. Силы постепенно оставили меня. Я слабел с каждым днём. Мне доставались лишь жалкие крохи, приносимые на праздники в честь владык мёртвых. Вот всё, что поддерживало меня в последние годы. Я бог, а значит, бессмертный. Мне не суждено умереть. Но без ежедневных даров и молитв я стал лишь тенью бывшего себя. Но я ждал, ждал своего народа. Я мог бы прийти к тоуэйю или другим многочисленным племенам дикарей, но мне нужен народ воинов, народ сильных мужчин и красивых женщин, люди, способные строить устремлённые ввысь храмы, покорять земли и сочинять прекрасные песни. И вот я дождался вас. Собрал в кулак последние силы, я смог защитить вас, призвал своих слуг, и те сокрушили врагов, установили с вами связь и открыли портал к вратам Миктлана. Вы сами помогли мне. Я чувствовал ваше желание обрести бога, вашу надежду, я ловил все ваши сигналы и послания. И вот теперь я скажу то, что ты так долго хотел услышать. Я хочу, чтобы вы стали моим народом. – Тлакацинакантли сделал паузу и приподнялся на своём троне. – Да, я слаб, не буду отрицать. Но, если вы напитаете меня драгоценной влагой, постройте мне храм, будете чтить меня, проведёте в мою честь возлияния и курения, даруете моим статуям подобающие облачения, тогда я стану сильнее и смогу оправдать ваши самые смелые надежды. Да, путь будет непрост, но я верю, наступит день, когда я превзойду в могуществе Илуикатлетля, того самого, кто так вероломно поступил с вами. Я восстановлю справедливость. Я позволю вам низвергнуть заклётых солнцепоклонников и втоптать их в грязь».

Истаккальцин неподвижно сидел на холодном камне и внимал словам пребывающего во тьме бога. Ноги затекли, а спина устала, драгоценные перья смялись, а бумага, украшавшая посох, пропиталась сыростью подземелья. Но великий уже сказал то, что молодой первосвященник всегда мечтал услышать. Откровенность Тлакацинакантли подкупала. Никогда ещё божество не говорило с Истаккальцином столь открыто. Да, он слаб, да, по сути, взывал о помощи, но ведь и они не в лучшем положении, изгнанники не протянут в болотах без поддержки и нескольких дней. А ещё Истаккальцину почему-то очень захотелось помочь этому

несгибаемому и благородному богу. Помочь не с целью получить власть, богатство и славу, а только для того чтобы восстановить справедливость, сотворить благое дело. То же чувство, когда стремишься во что бы то ни стало исцелить больного или сохранить жизнь раненому, вырвать человека из цепкой хватки смерти. К тому же служить могущественному покровителю – одно, а оказать богу неоценимую услугу, которую он будет помнить всё время, – совсем другое. Как же это возвышает смертного, если в его силах вернуть высшее существо в ранг величайших созданий вселенной. Истаккальцин не боялся трудностей, наоборот, он страстно желал преодолеть их все.

А между тем Тлакацинакантли продолжал: «Ты хочешь узнать, какие возможности я могу вам дать. Прежде всего, я восстановлю вашу утраченную связь с богами и предками. Вы, как и прежде, сможете взывать к Тонакатекутли⁵³, Тескатлипоке, Кецалькоатлю, Шипе-Тотеку, Тла-локу⁵⁴, Миктлантекутли⁵⁵ и другим. Мой непосредственный дар будет совершенно особым, ты никогда ранее не ставивался с отправлением подобного культа. Ты больше не сможешь призывать пернатых змеев, спускать на землю столбы небесного огня или ослеплять противников чудесным сиянием. Да, мой огонь – холодное пламя далёких звёзд, мой свет – это свет плесени на разлагающемся трупе. Но утратив силу света, вы обретёте искусства тьмы. Я научу вас разящим заклинаниям, смертоносным проклятиям и целительным заговорам, наводящие ужас создания преисподней будут приходить на ваш зов, вы сможете взывать к душам умерших и открывать завесу будущего. Поверь мне, ты станешь обладателем огромного могущества. Служитель тьмы ни в чём не уступит воину света».

Ослабевший бог на мгновение замолчал, переводя дух, определённо, слова давались ему тяжело. И тогда Истаккальцин осмелился взять слово: «Великий Тлакацинакантли, позволь сказать. – Сидящий на троне с любопытством посмотрел на человека, стоявшего на коленях у его ног. – Я всё передам нашему правителю Уэмацину. Он наверняка будет согласен, я постараюсь его убедить принять твоё предложение. Но нам сейчас негде жить, наша пища заканчивается, а сколько мы идём, мы ещё не видели, где можно построить дома и поселиться».

Не успел жрец договорить, как голос бога прервал его: «Я понимаю, о чём ты. И я предусмотрел всё. У меня есть большой участок суши – хорошо защищённое плато. Я скрыл его от глаз других смертных и приберёг для моего народа. Я готов отдать его вам. Здесь вы построите свои дома и возведёте храм в мою честь. Земли там хватит на несколько полей, а вокруг вы сможете построить чинампы⁵⁶. Вам предстоит захватить все деревни тоуэйо в округе. Я помогу вам вести завоевания, как только восстановлю хотя бы часть сил. Вы научите их выращивать маис, строить дома, ткать и прясть, возводить храмы, а также сражаться. Вы обратите их в свою веру, принесёте им культуру, сделайте настоящими воинами. Ваши мужчины овладеют их женщинами, и те родят высоких и сильных сыновей. Поклоняясь мне, вы сможете создать прекрасное государство. А мои слуги покажут вам скрытые богатства недр. Верьте мне, у вас будет свой город. Вы должны будете построить там пирамиду в мою честь, а также храмы Тескатлипоки, Миктлантекутли и Тлауицкальпантекутли⁵⁷. Кроме того, вы можете сооружать молельни и святилища всем другим богам, каким захотите».

⁵³ Тонакатекутли (Владыка нашего существования) – верховный бог в мифологии индейцев науа, скорее всего, тот же, что и Ипальнемоуани и Ометеотль.

⁵⁴ Тлалок – бог дождя в мифологии индейцев Мезоамерики. Также связан с плодородием, сельским хозяйством и растительностью.

⁵⁵ Миктлантекутли (Владыка Миктлана) – бог смерти, владыка преисподней в мифологии индейцев науа.

⁵⁶ Чинампа (науа чинамитль) – искусственно созданный участок земли на мелководье в пресных озёрах. Для сооружения чинампы сначала в дно вбивали сваи, между ними переплетали ветки и лозы, внутрь огороженного места набрасывали землю. По углам сажали деревья для укрепления острова корневой системой. Для удобрения использовали перегной из листьев и экскременты.

⁵⁷ Тлауицкальпантекутли – бог планеты Венера. Агрессивное божество, мечущее дротики в других богов.

«Да сбудутся твои слова, великий Тлакацинакантли, – с поклоном отвечал жрец. – Но меня гложет одно сомнение. Видишь ли, наш народ много веков поклонялся богу солнца. Люди всегда относились к силам тьмы с опаской и недоверием. Если они узнают тебя и твоё имя, не откажутся ли они принять такой культ? Тебе же известно, простой люд полон предубеждений. Они боятся смерти, как и всего подземного мира».

«Ты считаешь это важным, жрец? – спросил бог, улыбаясь. – Допущу, ты знаешь о людях больше, чем я. Я много лет не общался со смертными. Сейчас мои слуги, находящиеся в лагере, доносят мне: ваш народ с большим воодушевлением ожидает твоего возвращения. Твои соплеменники желают, чтобы правитель заключил со мной договор. Они устали жить без бога. Знаешь, как они меня называют? Таинственный владыка. Хорошее имя, ничего не скажешь. Видишь, народ уже сделал свой выбор. Называй меня впредь „Таинственный Владыка“, а людям объяви: новый бог решил не открывать смертным ни своего имени, ни места пребывания. Всех моих идолов, которых вы будете изготавливать, покрой пеленой, которая бы скрывала их полностью. Запрети прикасаться к ним простым людям. Потом я научу тебя, как выставить барьеры вокруг статуй. Конечно же, всё тайное рано или поздно станет явным. Но нам следует как можно дольше скрывать мой истинный облик. Постепенно я восстановлю силы, вы обоснуетесь на новом месте, под моим покровительством вы одержите первые победы, засеете поля, соберёте урожай, начнёте строить город, наладите торговлю. А когда всё-таки откроется правда, люди поймут очевидное: я к тому времени настолько войду в их жизнь, что менять установившийся порядок вещей будет уже поздно, да и опасно. Мои дела победят все предубеждения. Вот тогда вы откроете статуи, будете высекать моё имя на рельефах, а ты сможешь облачаться в костюм своего бога на праздниках».

«Вижу, ты не только могущественен, но и мудр, Тлакацинакантли! – воскликнул Истаккальцин, молодой первосвященник стал чувствовать себя намного свободнее в обществе бога. – Осмелюсь задать ещё один вопрос. Покарай меня, если сочтёшь его слишком дерзким. Как ты поступишь с нами, если люди не захотят принимать тебя в качестве своего племенного бога?»

«Я ждал такого вопроса, я предвидел его, даже если бы ты не задал его вслух, – на удивление спокойно отреагировал Тлакацинакантли. – Знай, моё благородство не позволит мне мстить вам. Только моей помощи вы точно больше не получите. И приготовленный для моего народа участок земли будет сокрыт от вас. Какая судьба вас ждёт? Я знаю, у вас среди представителей знати зреет мятеж. Только атаки тоуэйю не давали ему разгореться в полную силу. Когда-нибудь вы обязательно разделитесь. Отдельные мелкие отряды сгинут в лесу, многие погибнут, возможно, кому-то удастся добраться до земель комильтеков. Но если вы выберете меня, я не допущу раскола».

«Благодарю, великий Тлакацинакантли, – с поклоном произнёс Истаккальцин. – Клянусь. – Он положил руку на грудь. – Я сделаю всё, чтобы мы приняли твоё высокое покровительство. Если даже остальные откажутся, я один буду поклоняться тебе и приносить драгоценную влагу и копал. Скажи, какой знак мы должны подать, чтобы ты понял наше согласие?»

«Каждый из вас, – произнёс бог, – пусть пожертвует мне хотя бы каплю своей крови, все до единого, даже старики и грудные дети должны принести драгоценную влагу Таинственному Владыке». «Мы непременно так и сделаем, – ответил Истаккальцин, положив руку на грудь. – Я лично прослежу за исполнением воли великого бога». «Тогда в путь, жрец, возвращайся к своему правителю и донеси до него мои слова. Я буду ждать ответа», – тяжело проговорил Тлакацинакантли, завершая разговор. «Обещаю, он примет верное решение, – сказал верховный жрец. – Мы ещё увидимся. Я не прощаюсь». Он встал и низко поклонился богу. В тот же момент перед ним раскрылся портал, и мужчина без колебаний шагнул в тонкий сверкающий диск.

Глава 14. Клятва крови

Уэмак нетерпеливо ждал возвращения верховного жреца, хотя и без того дел было невпроворот. Снова жертвы, опять пылают погребальные костры. Погибло десять человек, среди них опытные воины – тяжёлая потеря для изгнанников. Более тридцати ранены, в том числе и тяжело. Косицтекатля тоже задело, хотя легко, по крайней мере, он так говорит. Его рану уже зашили нитками из волокон агавы.

Царевич пробовал есть, но кусок не лез в горло. С трудом удалось затолкать в себя две тортильи⁵⁸ да горстку бобов. Вождь лёг отдохнуть, но беспокойство заставило мужчину вскочить и бесцельно бродить по лагерю, изображая огромную занятость. Так легче. Сердце рвалось из груди, дыхание сбивалось, будто после бега, волны мурашек пробежали по зажатой от напряжения спине. Несмотря на прохладу, тело горело изнутри, горячий пот пропитал одежду и заставил ткань липнуть к коже. Кулаки то сжимались, то разжимались, сводя судорогой руки. Постоянно предводитель поглядывал в ту сторону, куда совсем недавно отправился первосвященник.

Через некоторое время раздались крики: «Идёт, идёт!» Уэмак посмотрел, куда указывали люди, и увидел Истаккальцина. Служитель культа шёл уверенно, его глаза сияли, с трудом сдерживаемая улыбка легко читалась на лице. Царевич понял, разговор удался. Люди расступались перед верховным жрецом, ничего не спрашивая, но в каждом взгляде сотен устремлённых на него глаз читался немой вопрос.

– Ну что? – нетерпеливо произнёс Уэмак, как только Истаккальцин подошёл ближе.

– Надо поговорить наедине, – негромко ответил жрец. Без лишних слов царевич отвёл друга к себе в палатку.

– Всё удалось, – тихо сказал первосвященник, как только они остались одни.

Уэмак облегчённо выдохнул и улыбнулся, словно сбросил с себя тяжёлую ношу.

– Давай рассказывай, – торопил молодой вождь.

Дабы не шокировать друга сразу, главный жертвователь начал с обещаний, не акцентируя на силе тьмы. Особо он отметил большой, хорошо защищённый участок земли, где можно основать город. Затем, видя, как загорелись глаза у правителя, жрец рассказал, в каком состоянии пребывает будущий покровитель, поспешив заверить, что если он получит достаточное количество жертв и подношений, то быстро восстановит свои силы и сможет сравняться в могуществе с самим Илуикатлетлем. Видимо, трудности Уэмака не пугали, по крайней мере, судя по реакции на рассказ, интерес вождя не угас. Правитель отлично понимал, бог, которому достался сильный народ, хорошо заботящийся о своём благодетеле, даже и не подумает связываться с кучкой странников, обречённых на гибель. Теперь же всё встало на свои места, и царевич даже почувствовал облегчение, узнав, почему высшее существо вдруг взяло скитальцев под свою опеку. И лишь в самом конце Истаккальцин решился сказать другу ужасающую правду:

– Ты знаешь, кто он такой, Уэмацин?

– Нет, ты ещё не сказал, – насторожился предводитель изгнанников.

Жертвователь внимательно посмотрел в глаза собеседнику и ещё тише проговорил:

– Когда я прошёл к нему, знаешь где он находился? Под землёй. Я спустился к нему в пещеру по холодной лестнице. – Здесь он сделал паузу. – Как, по-твоему, кто там может жить? Владыка преисподней, Уэмацин. Точнее, один из них. Его имя Тлакацинантли. Ты готов отдать свой народ в руки тёмного бога?

⁵⁸ Тортилья – тонкая лепёшка из кукурузной муки, основное блюдо мексиканской кухни. Их пекут на открытом огне в круглых плоских глиняных сковородах комалли.

В тот же миг мириады мыслей закружились в голове Уэмака – страхи, сомнения, недоверие, неуверенность, неопределённость. Но хватит, он слишком долго ждал. Одним усилием воли мужчина заставил бесполезный нарастающий рой остановиться.

– Я готов, – ответил молодой вождь, – другого шанса не будет.

– Смелое решение, и такое быстрое, – удивился Истаккальцин. – Но я, признаться, был уверен, что ты согласишься.

– А у меня есть выбор?

– Верно, выбора нет, – покачал головой жрец. – Наш покровитель решил, что будет лучше, если мы не станем показывать людям его истинный образ. Назовём его «Таинственный Владыка» и закроем все его изображения. Скажем, что он скрывает свой лик. Нам ведь даже не придётся врать.

– Разумно, нечего пугать людей понапрасну.

– Видишь ли, он хочет, чтобы народ привык к его покровительству, стал воспринимать его присутствие как неотъемлемую часть жизни, и тогда, даже если рано или поздно тайное станет явным, никто не захочет отказываться от бога, который обеспечивает нам безопасность и процветание. Надеюсь, так оно и будет.

– А чего он хочет от нас? – поинтересовался Уэмак.

– Как и все боги, драгоценной влаги, курений копала, продовольствия, даров, одеяний, головных уборов. Сейчас же в знак заключения союза мы должны пустить себе кровь, все поголовно, даже дети. Тогда он примет нас и одарит своим покровительством. В городе мы должны построить ему храм, кроме того, пирамиды для Тескатлипоки, Миктлантекутли и Тлауицкальпантекутли. Остальные святилища – на наше усмотрение.

Истаккальцин ещё долго говорил, рассуждал вслух, приводил всё новые и новые аргументы. Уэмак понимал, ему хочется выплеснуть на кого-то всё накопившееся за долгое время со дня утраты связи с великими. Царевич видел, друг мучился каждый миг, как и он сам. То же острое осознание вины, то же предчувствие скорой расплаты, ощущение шаткости и неустойчивости положения. Но вот теперь, когда заключение союза – практически вопрос решённый, Истаккальцин сможет наконец-то выговориться. А Уэмак – нет. Ведь правителю нельзя показывать свои слабости, в глазах народа он должен казаться твёрдым и непроницаемым, словно глыба чёрного обсидиана. И Уэмак, как бывало и ранее, оставил все мысли и почти полностью очистил сознание. Вождь сидел, недвижимый, даже не фокусируя взгляд, речь Истаккальцина мужчина воспринимал лишь, как набор звуков, монотонный и лишённый всякого смысла. Он и его народ заняли свои места в бесконечной игре Дарителя Жизни. И хоть всё только началось, чувство было такое, словно уже достигнут конец пути. Неужели идти дальше уже нет сил? Или вскоре грядёт полное обновление?

Кто-то дотронулся до его руки, и Уэмак вздрогнул, приходя в себя.

– Что с тобой? – спросил обеспокоенный жрец.

– Всё в порядке, Истаккальцин, – спокойно отвечал царевич. – Нам нужно готовить церемонию.

Слуги правителя созывали народ к палатке вождя, всех без исключения, даже грудных детей и раненых. Жрецы доставали свёртки с шипами агавы и другими приспособлениями для кровопускания. Вскоре начала собираться толпа. Люди знали, какую новость сейчас объявит предводитель, их переполняла надежда. Кругом только и говорили о начале новой, счастливой жизни и о таинственном боге, под покровительством которого закончится время скитаний и начнётся эпоха роста и процветания.

Уэмак слышал из палатки шум сотен радостных голосов. Снова он осмелился достать и надеть регалии Кецалькойотля – расшитый плащ правителя и прекрасный головной убор кецальтлапилони⁵⁹ – роскошный каскад из перьев, ниспадающий с темени на спину и плечи.

– Когда мы построим временный храм, я первым делом устрою ритуал вступления в ранг правителя с постом, молитвами, речами и жертвоприношениями, – сказал он Истаккальцину, облачаясь в костюм владыки.

– Все в сборе, – доложил слуга, вошедший в палатку.

– Тогда пора, – произнёс царевич и в сопровождении жреца вышел наружу.

Увидев Уэмака, люди притихли. Молодой вождь оглядел собравшихся. В первых рядах находились представители знати в ярких плащах и прекрасных головных уборах из драгоценных перьев. Их жёны надели белые блузы уипилли⁶⁰ с красочной вышивкой и юбки, окантованные пёстрой бахромой. Позади теснился простой люд в одежде из грубых волокон агавы, испачканной водными растениями и чёрным густым илом. Теперь вождь не отводил взгляда. Он пристально всматривался в глаза каждому, пытаясь понять мысли и настроения людей. Надежда, ожидание, радость, восхищение, боль, неверие, тревога, предвкушение – столько чувств застыли на лицах, и все они обращены к нему.

Предводитель изгнанников начал: – Это говорю вам я, Уэмакин из Ойаменауака. Сегодня ночью все вы стали свидетелями явления великого бога, который во время долгих странствий оберегал нас, защищал от врагов и прочих напастей, отвращал беду и посылал своих слуг, которые ценой собственной жизни отстояли наше существование. По окончании сражения он призвал нашего великого жреца, пернатого змея, достойного Истаккальцина, к себе, дабы объявить нам свою волю. И Истаккальцин отправился к нему и говорил с ним. Это произошло сегодня, в день тринадцать-цветок года десять-дом. И вот что поведал Истаккальцин, когда вернулся. Этот бог – молодой воин, идущий своей дорогой, раздающий перья, выкрикивающий клич войны. Он называется защитником людей. Его сердце предвидит, оно поддерживает и защищает. Его слова – нефрит и перья кецаля⁶¹. Его обиталище – область тайны. Он – Таинственный Владыка. Его сущность скрыта от глаз любого смертного. И он желает, чтобы мы утолили его голод. Он жаждет свежих человеческих сердец и драгоценной влаги так же, как и мы вождедем только что испечённого мягкого и вкусного хлеба. Мы должны насытить его. Нам же он обещает быть во всём и везде покровителем. Он дарует нам место, где мы построим свой город, где мы засеём поля, где мы разобьём сады. То будет место щитов и дротиков, откуда мы с его благотворением поведём наши отряды и завоюем все местные народы и подчиним их нашей воле. Ибо для того пришёл к нам тот бог, чтобы силой своей груди и головы собрать, привлечь к себе и к своей службе все народы, коих мы встретим на своём пути. – Уэмак остановился и обвёл взглядом собравшихся, лишь одобрение прочитал он в их глазах. Много тяжёлых дней измученные скитаниями люди ждали восстановления союза с богами. И теперь пришло время оправдать их надежды. Нет, правитель ничего не обещал, чтобы его слова не обернулись ложью, но в то же время царевич понимал, без связи с великими нет власти, нет тлатоани. И он продолжил: – И чем больше мы дадим нашему богу, чем лучше будем заботиться о нём, тем сильнее будет его благоволение, тем больше славы и величия мы обретём. Бог выбрал нас неслучайно. Ему не нужен народ дикарей, народ слабый и страшющийся, народ, пребывающий в плену страстей, телесных и духовных. Возрадуйтесь, ибо он выбрал нас, именно нас, наделенных храбростью, мудростью, сильной верой и яростным рвением. Ибо мы – великий народ отважных воинов и прославленных мудрецов, равного которому нет более нигде. Но наш бог

⁵⁹ Кецальтлапилони – роскошный головной убор из перьев кецаля, закреплявшийся в волосах на темени и спадающий вниз. Атрибут правителей и высших государственных чиновников.

⁶⁰ Уипилли – женская одежда, подобие туники. Доходила до верхней части бёдер.

⁶¹ Нефрит и перья кецаля – дифразизм, обозначающий нечто наиболее прекрасное.

не должен ждать. И теперь в знак заключения союза и установления прочной нерушимой связи на века мы все должны даровать нашему богу, Таинственному Владыке, каплю своей крови, драгоценной влаги. Волю нашего покровителя должны исполнить все до единого: и воины, и крестьяне, и слуги, и рабы, и мужчины, и женщины, и грудные дети, старые и молодые, больные и здоровые. Так говорю вам я, Уэмацин из Ойаменауака, сын доблестного Цинпетлаутокацина, потомок блистающего, как сверкание нефрита, Се Сипактли.

Когда Уэмак закончил свою речь, радостные, восторженные крики раздалась из толпы, в считанные мгновения их подхватили другие собравшиеся, и вот уже все люди, словно роко-чущее море, приветствовали обретение нового бога. Они славил Таинственного Владыку, Уэмака, Истаккальцина и самих себя. Тем временем молодой вождь взял заострённую резную птичью кость и с благоговейным трепетом поднял её к небу, а затем решительно вонзил в мочку уха, проткнув её насквозь. Он почти не почувствовал боли, лишь жар разлился по всему телу, содрогнувшись от пламенного экстаза. Жрецы начали раздавать всем колючки агавы. Люди без страха пронзали плоть и выпускали капли драгоценной влаги в честь Таинственного Владыки. Некоторые ранили себя ещё и ещё, стремясь угодить новообретённому богу. Матери протыкали кожу детям, и те плакали, не понимая, ради чего им причинили такую боль. Даже раненые, потерявшие много крови, исполнили волю правителя. И вот, когда в лагере изгнанников не осталось ни одного, кто бы не принёс жертву Тлакацинакантли, огромная тень в форме летучей мыши на мгновение закрыла небо и затмила солнце, а затем унеслась вдаль. Нетопыри и совы высоко в кронах неистово закричали, шумно хлопая крыльями. Налетел ветер, срывая пряди пачтли с ветвей кипарисов. А Истаккальцин вскинул руки и, воззвав к богу, начал читать молитву, первую за все дни испытаний и странствий.

Глава 15. Новый дом

Утро нового дня, светлое и радостное. Истаккальцин встал незадолго до рассвета. От томительного предвкушения щемило в груди и трепетало сердце. Жрец поймал себя на мысли, что такое светлое, искреннее чувство он испытывал последний раз в детстве, а во взрослой жизни с её сдержанностью, ложью, деланной степенностью и неестественностью такому восторженному и чистому переживанию места не находилось. «Цветов и песен жаждет моё сердце»⁶², – вспомнилась ему строка из стихотворения. «Да, именно так», – ответил он сам себе. От утренней прохлады приходилось кутаться в плащ, но в груди всё пылало, клокотало, будто мужчина проглотил огонь, который заставлял кипеть все внутренности. Но Истаккальцин знал, то вспыхнуло пламя новой веры, разгорающееся прямо в сердце.

Рано на заре торжественная процессия покинула последний лагерь изгнанников, который они разбили предыдущим вечером. Но странствиям подошёл конец, больше не будет утомительных путешествий и временных стоянок. Сегодня измученные люди обретут новый дом. Разодетые в прекрасные цветные плащи с роскошными плюмажами на головах шли жрецы и аристократы. В руках они несли курильницы, мешочки с копалом, сосуды для возлияний, листы бумаги, приспособления для кровопускания и посохи-погремушки. День разгорался. Радостными криками и пением птицы встречали восход солнца. Невообразимо быстро, работая крыльями, пролетел над участниками шествия вечный труженик колибри. Черепахи, греющиеся на корнях деревьев, с плеском попадали в воду при виде приближающихся людей.

Вот уже впереди между стволов вездесущих кипарисов показалось обещанное Таинственным Владыкой плато. Высокие каменистые гребни вздымались из воды почти вертикально вверх. А самый большой участок суши казался среди затопленного леса гигантским кораблём, чудом заплывшим так далеко в непроходимые дебри. Собравшиеся подошли ближе, сплошная стена высоких стволов расступилась. Что это? Свет? Как давно Истаккальцин не видел яркого солнечного света, нет, не тех робких лучей, с трудом пробивающихся через могучие кроны, а яркого тёплого потока, от которого до боли резало глаза. Скелеты Эстли и Малиналли стояли у подножья, приглашая путников наверх. Узкая тропка на обвалившемся участке, достаточно пологая, чтобы подняться, но всё же крайне неудобная для ходьбы, казалась единственным приемлемым путём наверх. Уэмак пошёл первым. Вестники Тлакацинакантли в тот же миг взмыли в воздух и оказались на краю обрыва, наблюдая за карабкавшимися людьми. Истаккальцин измазал дорогой плащ глиной. Несколько раз мужчине пришлось опереться на руки, дабы не потерять равновесие. Следовавший за ним Несауальтеколотль справился с восхождением ничуть не лучше.

Наконец-то поднялись все наверх. Плато оказалось вытянутым в длину, по большей части довольно ровным, крупные возвышения находились лишь по краям. Густые заросли кустарника скрывали значительную часть равнины от глаз. Здесь не росли высокие деревья, как в лесу. Характер местности разительно отличался от мрачных дебрей Атекуаутлана. Верховный жрец подумал, будто очутился на родине, в далёком Ойаменауаке. Действительно, то тут, то там попадались высоко поднимающиеся из травы трубчатые кактусы. Кое-где встречались раскидистые колючие агавы и нопалли с большими зелёными лепёшками, растущими одна из другой. Длинные извивающиеся ряды приземистых акаций разрезали пространство вдоль и поперёк. А впереди чуть поодаль белели усеянные цветами деревья касухатль. Тёплые краски после величественного сумрака леса радовали глаз. Вместо давящей со всех сторон стены стволов – чистое небо. Здесь чувствовались простор и свобода. И всё это щедро залито солнцем.

⁶² Цветы и песни – дифразизм из поэзии науа, означавший то единственно истинное на земле, исходящее от Ипальнемоуани, поэтическое знание, которое приходит из глубины неба.

Его лучи согревали привыкшую к холоду и сырости кожу, сушили мокрую, затхлую одежду. Свежий ветерок волновал дикие травы и играл в ниспадающих каскадах драгоценных перьев. Как же красиво они смотрелись здесь, блестя при ярком дневном свете. Странники расчистили небольшую площадку, начали готовить церемонию. Благородный Косицтекатель оставил тяжёлые доспехи в лагере. Он помогал жрецам, делая вид, будто рана вовсе не давала о себе знать. Конечно, воин скрывал боль. Но перед отправлением Истаккальцин сам осматривал его и менял повязку. Хвала богам, нагноения не оказалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.